

СТИВЕН КИНГ

Томминокеры

Стивен Кинг

Томминокеры

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/122253>

Томминокеры : [роман : перевод с английского] / Стивен Кинг: АСТ;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-083596-6

Аннотация

<p>...Что-то странное происходит в тихом провинциальном городке Хейвен, где живет Роберта Андерсон. У каждого жителя открываются поразительные сверхъестественные способности, а сам городок превращается в смертельную ловушку для чужаков.</p><p>Неужели причина всего этого – в таинственном металлическом объекте, погребенном в земле тысячелетия назад и случайно найденном Робертой?</p><p>Неужели она и другие обитатели Хейвена заключили сделку с беспощадной и жестокой силой? Или Зло из далеких миров само нашло их – и теперь медленно, но верно завладевает их душами и телами?..</p><p>Читайте фантастический роман Стивена Кинга «Томминокеры» в новом переводе!</p>

Содержание

Предисловие	5
Книга первая	8
Глава 1	8
Глава 2	33
Глава 3	58
Глава 4	82
Глава 5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Стивен Кинг

Томминокеры

*Если б только вы знали, как громко в ночи
В мою дверь томминокер стучит и стучит.
Хоть убейте – не выйду из дома теперь:
Я боюсь даже видеть проклятую дверь.*

Серия «Темная башня»

Stephen King

THE TOMMYKNOCKERS

Перевод с английского Ю. Моисеенко, М. Казанской

Художник В. Лебедева

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King, Tabitha King, and Arthur B. Greene,
Trustee, 1987

© Школа перевода В. Баканова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Предисловие

Как и многие «Песни Матушки Гусыни», стишок про томминокеров только на первый взгляд кажется простым. Между тем трудно даже понять, откуда взялось это слово. Полный словарь Уэбстера определил томминокеров как: а) троллей, живущих в подземных тоннелях, или же б) привидений, которые водятся в заброшенных пещерах и шахтах. Учитывая, что «томми» на устаревшем британском сленге означало армейский паек (когда-то в Британии так называли всех новобранцев, вспомним хотя бы строчки из стихотворения Киплинга: «Эй, Томми, так тебя и сяк...»), авторы Большого Оксфордского словаря, не посвятив томминокерам отдельной статьи, все же предполагают, что это могут быть призраки шахтеров, погибших голодной смертью, которые до сих пор стучатся в чужие дома, прося еды и приюта.

Первую часть стишка («Если б только вы знали, как громко в ночи») и я, и моя жена нередко слышали в детстве, хотя мы с ней выросли в разных городах, воспитывались в разных вероисповеданиях и происхождение у нас разное: ее предки прибыли в свое время из Франции, а мои – из Ирландии и Шотландии.

Остальные строчки – плод воображения автора.

Автор – то есть я – хочет выразить благодарность Табите, моей жене, как бесценному, хоть зачастую и раздражающе-

му меня критику (если критик вас раздражает, можете быть почти уверены: он прав), редактору Алану Уильямсу за его доброту и внимание, Филлис Грэн за терпение (фактически этот роман был не столько написан, сколько выдолблен киркой каторжника в горах) и в особенности Джорджу Эверетту Маккатчону, который не только прочел каждую главу и отшлифовал ее – прежде всего, конечно, в отношении оружия и баллистики, – но и скрупулезно следил за тем, чтобы главы не противоречили друг другу. Когда Мак ушел из жизни, книга была в процессе переработки. Скажем так: я послушно правил очередной отрывок в соответствии с его замечанием – и вдруг узнаю, что Джордж все же пал жертвой лейкемии, с которой сражался около двух лет. Мне страшно его не хватает – не только как друга, помогавшего навести порядок в мыслях, но и как человека, по-настоящему близкого моему сердцу.

Следует поблагодарить еще многих, всех и не перечислить: пилотов, дантистов, геологов, сотоварищей по перу, даже моих сыновей, присутствовавших при чтении этой книги вслух. Отдельное спасибо Стивену Джей Гулду¹. Хоть он и болеет за «Янки», а стало быть, не заслуживает полного доверия, его замечания насчет возможностей «эволюции отупления», как я это называю, помогли в обработке последнего варианта романа (см. его книгу «Улыбка фламинго»).

¹ Стивен Джей Гулд (1941–2002) – известный американский палеонтолог, биолог-эволюционист и историк науки. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Хейвен не существует в реальности. Персонажи вымыш-
лены. Все это выдумка, за одним исключением:

Томминокеры – настоящие.

И если, по-вашему, я шучу – должно быть, вы пропустили
по телевизору вечерние новости.

Стивен Кинг

Книга первая

Корабль в земле

Тут нам попался Гарри Трумэн: из Миссури вместе плыли.

*Мы спросили про войну, а он сказал: «Забьли!»
Мы напомнили про бомбу: «Вам не стыдно за нее?»*

Он в ответ: «Плесни-ка выпить; это дело не твое!»

The Rainmakers. Downstream

Глава 1

Андерсон спотыкается

1

Королевство пало «оттого, что в кузнице не было гвоздя», – вот к чему сводится наша история. В конечном счете все на свете сводится к чему-то похожему; по крайней мере так думала Роберта Андерсон, хоть и много позже. Либо всем управляет случай, либо... рок. Двадцать первого июня 1988

года Андерсон буквально споткнулась о собственную судьбу в городишке под названием Хейвен, штат Мэн. Это и стало отправной точкой для всех последующих событий.

2

Андерсон была в компании Питера, дряхлого бигля, подслеповатого на один глаз. Питера подарил ей Джим Гарденер, и случилось это в 1976-м. Годом ранее Андерсон бросила колледж за пару месяцев до получения степени, чтобы вселиваться в дядюшкино имение в Хейвене. Она и не замечала, насколько была одинока, пока Гард не принес собаку. Хотя нет, тогда еще только щенка. Андерсон до сих пор иногда не верилось, что пес постарел, а между тем, по собачьим меркам, ему стукнуло восемьдесят четыре. Некоторым образом Питер напоминал ей о возрасте. 1976 год давно канул в Лету. Тут не поспоришь. Когда тебе двадцать пять, можно позволить себе такую роскошь – верить, что цифирки в паспорте означают всего лишь канцелярскую ошибку, которая рано или поздно будет исправлена. Но когда в одно прекрасное утро просыпаешься и понимаешь: твоему псу восемьдесят четыре, а тебе самой тридцать семь, приходится пересмотреть свои взгляды. Тут не поспоришь.

Андерсон искала подходящее место для рубки дров. Кое-что у нее лежало в запасе, но на зиму требовалось обычно в три раза больше. Сколько же она поработала топором

с тех пор, как Питер был резвым щенком, который любил грызть старые тапочки и слишком часто прудил на ковер в столовой; а деревьев как будто и не убавилось. Участок (даже теперь, тринадцать лет спустя, местные жители по-прежнему называли его фермой Фрэнка Гаррика) протянулся вдоль шоссе номер 9 на каких-нибудь сто восемьдесят футов, однако каменные стены на его северной и южной границах расходились под неправильным углом. Еще одна, тыльная стена, которая от ветхости давно рассыпалась на отдельные груды камней, покрытых зеленым мхом, углублялась на целых три мили в чащу, поросшую как старыми, так и молодыми деревьями. Общая площадь этого клина земли впечатляла. К западу от владений Бобби Андерсон простирались необъятные безлюдные мили, собственность компании «Нью-Ингленд пейпер». «Горелый лес», как гласила надпись на карте.

По правде сказать, ей даже не нужно было искать хорошее место для вырубki. Дядя по материнской линии оставил племяннице землю, ценную как раз деревьями твердых пород, почти не пораженных личинками непарного шелкопряда. Просто после затяжной череды весенних ливней (из-за которых теперь в саду ни пройти, ни проехать от грязи) наконец-то выдался ясный и теплый день, а с новой книгой можно повременить. Так что Андерсон зачехлила пишущую машинку и вышла прогуляться в компании верного одноглазого старины Питера.

Оставив позади ферму, она прошла милю по старой трас-

се, проложенной некогда для перевозки леса, и повернула налево. С собой Бобби взяла рюкзак, где лежали книга и бутерброд, собачьи галеты, ворох оранжевых ленточек, чтобы помечать деревья, которые надо будет срубить ближе к концу сентября, когда тепло начнет уступать прохладной октябрьской погоде. Во фляжке плескалась вода. Карман оттягивал компас марки «Сильва». Пусть ей только раз довелось заблудиться в здешних местах, но и этого раза оказалось более чем достаточно. Жуткая выдалась ночь; Бобби никак не могла поверить, что потерялась на собственной, черт возьми, земле, и в то же время со страхом ждала гибели. Кстати, это было вполне возможно: пропажу заметил бы только Джим, а он имел привычку появляться, когда не ждешь. Наутро Питер благополучно вывел хозяйку к ручью, а тот, в свою очередь, к шоссе номер 9, где с беззаботным журчанием убежал в подземную трубу в каких-то двух милях от ее дома. На сегодняшний день она, наверное, достаточно хорошо освоилась на местности, чтобы в случае чего самостоятельно выйти к дороге или одной из каменных стен, но «наверное» – это не значит «точно». Так что компас в кармане лишним не будет.

Примерно в три часа дня ей встретилась подходящая кленовая рощица. На самом деле, хорошие деревья попадались и раньше, но эти росли у знакомой тропинки, где с легкостью мог проехать «Томкэт»². В двадцатых числах сентября – ес-

² Модель сельскохозяйственного трактора.

ли кто-нибудь до тех пор не взорвет этот мир ко всем чертям – надо будет прикатить сюда на тракторе с прицепленными позади санями и помахать топором. Бобби почувствовала, что на сегодня достаточно нагулялась.

– Что скажешь, Пит?

Тот сипло гавкнул. Хозяйка взглянула на него с жалостью, и внезапно у нее защемило сердце. Как же он сдал! В последнее время почти перестал гонять разных птиц, белок и редких лесных гостей – сурков. Не говоря уж о том, чтобы броситься за оленем... Похоже, на обратном пути не обойтись без частых привалов. А ведь совсем недавно (как упрямо твердил хозяйке рассудок) Питер мчался на добрую четверть мили впереди нее, оглашая заросли громким лаем. И вот уже не за горами день, когда Бобби решит: достаточно. И в последний раз хлопнет ладонью по пассажирскому креслу своего грузовичка «шевроле», приглашая Питера прокатиться в Огасту, к ближайшей ветеринарной клинике. Господи, только не этим летом! Не осенью и не весной, пожалуйста, Господи! И вообще никогда, если можно.

Без собаки ее захлестнет одиночество. Разве что... Впрочем, Джим Гарденер вот уже года три как напоминает чокнутого. Он все еще друг, но... как бы чокнутый.

– Хорошо, что мы снова друг друга поняли, старина. – Бобби принялась завязывать ленточки, прекрасно понимая, что до сентября может несколько раз передумать и они так и сгниют на стволах. – Твой безупречный вкус уступает лишь

твоему bravому виду.

Питер не стал с годами глупее и смекнул, чего от него ждут: махнул облезлым хвостом и подал голос.

– Покажи вьетконговца! – приказала Андерсон.

Пес покорно свалился на бок (при этом тоненько взвизгнув), перекатился на спину и вытянул ноги. Тот же трюк он проделывал по команде: «хуч!»³ и «Милай!»⁴. Бобби обычно веселилась, однако сегодня притворная смерть любимца болезненно напомнила ей о собственных размышлениях.

– Хватит, Пит.

Тот с усилием поднялся, тяжело дыша. Какая же у него седая морда...

– Пошли домой.

Хозяйка бросила псу галету. Тот щелкнул челюстями, но промахнулся. Понюхал траву, прошел мимо угощения, вернулся и неторопливо, без особой радости принялся жевать.

– Молодец. Идем.

3

Не было подковы – королевство пало... выбрали тропинку – нашли корабль.

В течение тринадцати лет, за которые ферма Гаррика так

³ Дословно: лачуга, хижина.

⁴ Название вьетнамской деревенской общины, где 16 марта 1968 года произошло массовое убийство мирного населения американскими солдатами.

и не превратилась в имение Андерсон, Бобби не единожды успела сюда наведаться. Вот знакомый склон, вот валежник, оставленный лесорубами (умершими, пожалуй, еще до войны с корейцами), вот могучая ель с раздвоенной верхушкой. Бобби бывала здесь раньше, а значит, без труда отыщет обратную дорогу, когда поведет «Томкэт». Раз или два, а то и раз шесть она проходила в считаных ярдах, футах, если не в дюймах от места, на котором сегодня споткнулась.

На этот раз Бобби взяла чуть левее тропинки, следуя за собакой, и вдруг мысок старого туристического ботинка во что-то врезался... больно врезался.

– Ой! – вскрикнула она и замахала руками, но было поздно.

Бобби повалилась на землю. Щеку задела острая ветка низенького кустарника – и, кажется, порезала до крови.

– Черт!

Голубая сойка отчитала ее за брань сердитой тирадой.

Тут вернулся Питер и, обнюхав хозяйку, лизнул ее в нос.

– Фу, не надо, воняешь!

Пес завилял хвостом. Бобби села и провела рукой по левой щеке: на ладони и пальцах осталась кровь.

– Ничего себе, – хмыкнула она, оглядываясь.

Что же такое ей подвернулось под ногу – ветка? Скорее всего, торчащий камень. Этого добра в Мэне хоть отбавляй.

Перед глазами блеснул металл.

Бобби дотронулась, провела пальцем и сдула черную

грязь.

– Что это, Питер?

Пес подошел, понюхал – и вдруг, ни с того ни с сего, попятился, сел, разразился протяжным воем.

– Какая муха тебя укусила? – поинтересовалась хозяйка, но Питер не обращал на нее внимания.

Андерсон подползла поближе, испачкав сзади джинсы, и пригляделась. Что это за железка в земле?

Предмет торчал над слоем пожухлой травы на три дюйма – не захочешь, споткнешься. Наверное, ливни размыли почву на склоне. Первым делом Бобби подумала о лесорубах, трудившихся на этой земле в двадцатые и тридцатые, выезжая на пресловутые «лесоповальные выходные» трехдневки: должно быть, работники закопали здесь разный мусор.

Жестяная банка из-под бобов или супа? Э, нет, кто бы мог споткнуться о такую жестянку? Разве только младенец. Бобби поддела находку мыском ботинка. Та совершенно не поддавалась. Твердая, будто скала. Может, какое-нибудь орудие?

Андерсон из любопытства склонилась пониже, не замечая, что Питер поднялся, отошел еще на четыре шага и только тогда снова сел.

Металл имел мутно-серый оттенок; будь это жечь или железо, они блестели бы. Да и толщина для обычной банки неподходящая: чуть ли не с четверть дюйма. Бобби потрогала край указательным пальцем – и ощутила странную дрожь.

Отдернула палец. Озадаченно на него посмотрела...

И снова потрогала.

Ничего. Тишина.

Бобби сжала предмет между пальцами и попыталась выдернуть из земли, точно расшатанный зуб из десны. Никакого эффекта. Рука стиснула торчащий предмет примерно по середине. Он – если только Бобби не ошиблась в расчетах – уходил на два дюйма в землю. Да она бы лет сорок могла гулять рядом с этой штуковиной трижды в день и не спотыкаться, скажет Андерсон Джиму Гарденеру несколько позже.

Она стряхнула еще немного земли, затем погрузила пальцы в рыхлую лесную почву – та всегда легко поддается, если вам повезет не наткнуться на разветвленные корни – и прорыла небольшую канавку. Потом встала на колени и принялась копать с другой стороны. Гладкий предмет не кончался. Бобби еще раз попробовала его раскатать. Никакого толку.

Она быстрее заработала пальцами. Вот уже из-под земли показались шесть дюймов металла, девять, фут...

Внезапно ей пришло в голову: это какой-нибудь автомобиль, грузовик или трактор. Закопанный здесь, в глуши.

Или «печь Гувера»⁵. Но почему здесь-то?

Сколько Бобби ни думала, ей не пришло на ум ни одной причины. Ну, то есть ни единой.

⁵ Переносная печь из автомобильных деталей со свалки. «Гувервиллями» называли многочисленные городские трущобы во время Великой депрессии. Название пошло от фамилии Герберта Гувера, в то время президента США, на которого возлагали вину за депрессию.

Порой она находила в лесах какой-нибудь хлам – канистры из-под бензина, пивные банки (самые старые из них были даже без открывалки на крышке, зато с треугольными дырками от «церковных ключей», как их называли в смутные шестидесятые), конфетные фантики, прочую чепуху.

Конечно, Хейвен лежал в стороне от двух основных туристических маршрутов штата Мэн, один из которых проходил через озеро и горы на запад, а второй – через побережье на восток; но от первозданной природы здесь почти ничего не осталось. Однажды, когда Бобби проникла за развалины каменной ограды, тем самым нарушив земельное право компании «Нью-Ингланд пейпер», ей на глаза попались ржавые остатки «хадсон-хорнета» конца сороковых, брошенного посередине бывшей лесной дороги, у которой уж двадцать лет как не проводили плановых вырубок и которая к тому времени погрязла в непролазной путанице ветвей, называемой в простонародье Чертвудом. Машине там взяться неоткуда... И все же если появление автомобиля поддавалось хоть какой-то логике, то как объяснить эту печку, или рефрижератор, или еще невесть какую дрянь, столь основательно погребенную в земле?

Прокопав два углубления длиной в целый фут по обе стороны от предмета, Бобби так и не выяснила, где он заканчивается. Она и вглубь проникла на целый фут, но потом ногти стали царапать горную породу. Камни, по крайней мере, поддавались раскачиванию, – только вытаскивать их не было

уж совсем никакого смысла. Незнакомая штука явно уходила гораздо глубже.

Питер начал поскуливать.

Андерсон посмотрела на пса и поднялась. Оба колена хрустнули. Левую щиколотку как будто покалывало иголками. Выудив из кармана часы марки «Саймон», потускневшие от времени (еще одна часть наследства дядюшки Фрэнка), Бобби с изумлением поняла, что потратила уйму времени – битый час с четвертью – и что уже давно пробило четыре.

– Идем, Питер, – позвала она. – Хватит здесь прохлаждаться.

Тот опять заскулил, но не тронулся с места. Внезапно Бобби заметила, как он весь дрожит, будто в лихорадке. Трудно сказать, болеют ли псы малярией; старые – может быть. Бобби помнила лишь один случай, когда Питера била такая дрожь. Осенью 1975 года (или 1976-го), когда по лесу бродила рысь. Ночей девять кряду окрестности глохли от воплей неразделенной страсти. Каждый раз Питер подходил к окну в гостиной и запрыгивал на бывшую церковную скамеечку возле книжного шкафа. Он никогда не лаял. Только пристально смотрел в темноту, раздувая ноздри, наострив уши, и вслушивался в этот мистический, по-женски отчаянный плач. Вот тогда его так же трясло.

Бобби покинула место своих раскопок, села на корточки рядом с Питом и взяла его дрожащую морду в ладони.

– Ну, что случилось, мой мальчик? – прошептала она.

Как будто и так непонятно.

Зрячий глаз гончей уставился на предмет в земле, а потом на хозяйку. Даже мерзкая молочная катаракта не могла скрыть отчетливую мольбу в этом взгляде: «Уходим отсюда, Бобби. Знаешь, не по душе мне эта штукавина, почти как твоя сестрица».

– Ладно, – смущенно произнесла Бобби.

А ведь и вправду: когда такое случилось, чтобы она совсем перестала следить за временем в этих местах? Бобби не сумела припомнить.

Питеру тут не нравится? Что ж, мне тоже.

– Идем.

Бобби двинулась вниз по склону. Пес с готовностью потрусил следом.

Они почти дошли до тропинки, когда Андерсон, подобно жене Лота, вздумала обернуться. Не будь этого последнего взгляда, она бы все забыла. С тех пор как Бобби оставила колледж перед самыми выпускными экзаменами (не помогли ни слезные увещевания матери, ни язвительные нападки сестры), у нее все лучше получалось пускать дела на самотек.

С расстояния были заметны две вещи. Во-первых, предмет вовсе не врос в землю, как ей показалось вначале, а просто торчал посередине свежего углубления, размытого бурными ливнями запоздалой весны. Он был почти незаметен между двумя небольшими холмами. И походил отнюдь не на автомобильный бампер. Скорее – и это во-вторых, – он

напоминал край тусклой железной пластины или тарелки – нет, не той, для еды, а...

Питер залаял.

– Да-да, я слышу, – откликнулась Андерсон. – Идем.

Мы идем, а оно пусть катится...

И она зашагала посередине тропинки следом за Питером (поковылявшим обратно к лесной дороге), любуясь роскошной зеленью лета... наконец наступившего лета. Сегодня ведь солнцестояние. Самый долгий день в году. Она с улыбкой прихлопнула на щеке комара. А что, летом здесь хорошо. Даже лучше всего, пожалуй. Хоть и не сравнить с какой-нибудь там центральной Огастой, кишасей туристами, а все-таки отдыхается неплохо. Когда-то Бобби наивно верила, будто приехала сюда лишь на пару лет – залечить раны переходного возраста, связанные с сестрой и уходом («позорным бегством», по выражению Энн) из колледжа, но пара лет как-то незаметно превратилась в пять, потом в десять, тринадцать, – и вот вам, пожалуйста: Пит одряхлел, а в ее некогда черных, как волны Стикса, локонах стали все чаще проблескивать светлые нити (года два назад Андерсон постриглась «под панка» и, к своему великому огорчению, обнаружила, что седина стала еще заметнее, после чего уже не пыталась ничего сделать с волосами).

Возможно, она так и проведет всю жизнь в Хейвене, разве что будет по работе наведываться к редактору в Нью-Йорке каждый год или два. *Этот город тебя затянул в свои сети.*

Это место, эта земля тебя не отпустят. Ну и подумаешь. В жизни бывают вещи похуже.

Как, например, тарелка. Металлическая тарелка.

Бобби сломала короткую ветку, густо покрытую сочной листвой, и замахала перед лицом. Комары уже обнаружили живую добычу и явно решили устроить банкет. Так и кишели над головой... А в голове кишели мысли. От них-то не отмахнешься.

Я чувствовала, как оно вздрогнуло под моим пальцем. Точно камертон. А потом сразу перестало дрожать. Что ж такое может вибрировать под землей?

Да ничего. Разве только...

Психическая вибрация? Бобби отнюдь не сказала бы, что совсем не верит в такие явления. Может, подсознание уловило какой-то сигнал и передало его единственно доступным образом, через тактильные ощущения? Питер тоже что-то почувствовал, недаром он даже близко не подошел.

Забудь.

Она и забыла.

Но ненадолго.

4

Вечером поднялся сильный, теплый ветер; Бобби вышла на порог покурить под его шелест и посвист. Еще год назад Питер бы не отпустил хозяйку одну; теперь же он так и

остался лежать в гостиной, свернувшись калачиком на коврике возле плиты.

Мысли Андерсон продолжали крутиться вокруг тарелки, торчащей из-под земли. Не тогда ли (к примеру, бросив окурок на гравиевую дорожку) Бобби решила выкопать неизвестный предмет, чем бы он ни оказался? Как знать... Позже она так и не сумеет этого вспомнить.

А все-таки что там? Андерсон перестала сопротивляться неотступным вопросам и предположениям. Если, как бы вы ни старались, рассудок упорно возвращается к определенной теме, – значит, ему виднее. Бежать от навязчивых дум – верный шаг к одержимости ими же.

Промелькнула смелая мысль: может, это выступ какой-нибудь сборной постройки? Да нет, кому здесь, в лесу, мог понадобиться металлический хлам, когда трое мужчин с топорами и пилами соорудят маленькую сторожку буквально за шесть часов? Это и не машина – она заржавела бы. Двигатель? Очень похоже, но для чего опять же?

Теперь, когда тьма сгушалась, Андерсон была твердо уверена, что ощутила ту необъяснимую дрожь. Да-да, это контакт на уровне психики. Нечто вроде...

Вдруг на нее снизошло леденящее осознание: там кто-то похоронен. Штука в земле некогда могла быть хоть автомобилем, хоть частью стального грузовика или рефрижератора, но сейчас это гроб. Для убитого? А кого бы еще стали погребать таким образом? Мужчины, пришедшие в лес поохо-

титься, даже случись им сбиться с дороги и умереть, не таскали с собой железных контейнеров для подобной оказии. А если бы и таскали, – предположим такую чушь, – откуда вся эта земля, кто бы мог ее набросать? *«Остынь, приятель», – как любили говорить на заре моей юности.*

Дрожь – это знак. Зов человеческих останков.

Ой, да ладно, Бобби, ты только с ума не сходи!

Тем не менее Роберту передернуло. Невесть почему эта мысль показалась ей убедительной, как рассказы о привидениях викторианской эпохи, не нашедшие себе места в мире, несущемся, словно шар в кегельбане, навстречу неведомым чудесам науки и ужасам двадцать первого века, – от нее кожа точно так же покрылась мурашками. В голове зазвучал неприятный смех Энн: «Сестрица, ты скоро свихнешься, как дядя Фрэнк! Так тебе и надо! Сбежала от людей, живешь тут с какой-то вонючей шавкой!» Ну да. Лихорадка затворницы. Комплекс отшельницы. Звоните врачу, вызывайте сиделку: Бобби больна, и ей становится хуже...

Странно, ей вдруг захотелось – нет, даже приспичило – поговорить с Джимом Гарденером. Андерсон вошла в дом, набрала первые четыре цифры на телефоне – и только тут вспомнила: у него выездные чтения. Ими да поэтическими семинарами он и зарабатывал на жизнь. Для гастролирующего творческого человека лето – самая жаркая пора... в смысле работы. Бобби практически услышала его насмешливый голос: «Всем этим перезрелым дамочкам нечем заняться те-

перь, а мне зимой надо кушать. Вот мы и не даем умереть друг другу. Скажи спасибо, тебе не приходится гоняться за своими читателями!»

Это точно, гоняться не приходилось. Впрочем, Бобби подозревала, что Джиму по душе такой образ жизни. По крайней мере, вдоволь натрахается.

Она положила трубку на место и посмотрела на книжный шкаф у плиты. Ну, «шкаф» – это слишком громко сказано (не бывать тебе, Бобби, плотником), однако свое назначение он худо-бедно выполнял. Две нижние полки заняла серия выпусков «Тайм-лайф» о жизни на Диком Западе. Следующие две были бессистемно забиты правдой и вымыслом на ту же самую тему: ранние вестерны Брайана Гарфилда силились оттеснить в сторонку внушительный труд Губерта Хэмптона «Исследуем территории Запада», серия «Братьев Саккетт» Луиса Ламура нежно жалась к чудесным романам Ричарда Мариуса «Приближение дождя» и «По дороге в Землю обетованную». «Кровавые письма и негодяи» Джея Роберта Нэша с одной стороны и «Западная экспансия» Ричарда Ф. К. Маджета – с другой – из последних сил сдерживали натиск обложек с фамилиями Рэя Хогана, Арчи Джойслен, Макса Бранда, Эрнеста Хейкокса и, конечно, Зейна Грея («Всадники полынных прерий» были зачитаны в клочья).

На верхней полке выстроились книги, написанные хозяйкой. Ровно тринадцать штук, из них двенадцать – вестерны,

от «Хэнгтауна», опубликованного в 1975-м, до «Долгой дороги обратно», изданной в 1987-м. Выход в свет нового романа, «Каньон Массакр», ожидался по сложившейся традиции в сентябре. Кстати: именно здесь, в Хейвене, Бобби взяла в руки первый экземпляр «Хэнгтауна», хотя начала работать над романом еще в той каморке в Кливз-Миллз, печатая на винтажном «Ундервуде» тридцатых годов, клавиши которого рассыпались от старости. Но закончила и получила его уже здесь.

Здесь, в Хейвене. Вся ее писательская карьера связана с этим местом... Кроме одной-единственной книжки.

Сейчас Бобби взяла ее с полки, удивившись, что вот уже лет, наверное, пять не прикасалась к тонкому томику. Печально было думать о том, как стремительно летит время; и еще печальнее – осознавать, что думает она об этом все чаще.

В отличие от своих собратьев, на чьих обложках красовались нарисованные холмы и горы, наездники и коровы на фоне пыльных пейзажей какого-нибудь придорожного городка, томик был оформлен гравюрой девятнадцатого столетия с изображением клипера, пристающего к берегу. Ярко-черная краска на ярко-белой бумаге так била в глаза, что почти давила на психику. Сверху название: «Против компаса», внизу пояснение: «Стихотворения Роберты Андерсон».

Она раскрыла книгу, перевернула титульный лист, чуть нахмурившись при виде указанной там даты (1968 год), и

остановилась на страничке с посвящением, напечатанным той же контрастной краской, что и гравюра. «Джеймсу Гарденеру». Тому самому, чей номер Бобби только что набирала. Второму из трех мужчин, с которыми она делила постель, и единственному, кто умел довести ее до оргазма. Не то чтобы это было важно... *Настолько уж* важно... Так она полагала. Или полагала, что полагает. Или как там? А впрочем, без разницы; поезд давно ушел.

Бобби со вздохом вернула книгу на место, даже не взглянув на стихотворения. Все равно там только одно удачное. Оно появилось на свет в 1967-м, месяц спустя после смерти дедушки в больнице от рака. Все остальное – чушь, хотя неискушенный читатель мог этого и не понять: все-таки у нее талант... Правда, не в области лирики. Когда был издан «Хэнгтаун», круг знакомых писателей от нее отвернулся. Все, кроме Джима. Кстати, издателем томика стихотворений был он.

Перебравшись в Хейвен, Андерсон однажды накатала длинное неофициальное письмо Шерри Фендерсон, а в ответ получила открытку с лаконичным посланием: «Не надо мне больше писать. Я вас не знаю». И не менее лаконичной подписью в виде размашистого первого инициала. Бобби долго плакала над этой открыткой, сидя на пороге своего дома, и тут как раз появился Джим.

– Нашла о чем убиваться! – высказался он. – Ты что, доверяешь дуре, которая на каждом углу кричит: «Власть – на-

роду», а от самой за милую несет духами «Шанель»?

– Зато она поэтесса хорошая, – всхлипнула Андерсон.

Джим отмахнулся с досадой.

– Это ей ума не прибавило. И не убавило ханжества, которому она как сама обучилась, так и других теперь учит. Имей в виду, Бобби: если хочешь заниматься тем, что тебе по нраву, то кончай дурить и распускать тут нюни. Надоело. Меня тошнит, как посмотрю. Ты что, из породы слабаков? Нет. Я же вижу. Ну и зачем тебе это надо – быть не собой, а кем-то другим? Хочешь превратиться в свою сестрицу? Так, что ли? Но ее здесь нет, и она – другой человек, и если тебе не хочется – не пускай ее сюда. Только чтобы я больше не слышал, как ты ноешь из-за сестры. Взрослеть пора. Бросай уже этот скулеж.

Бобби вспомнила, как посмотрела на него округлившимися глазами. А Джим продолжал:

– Разбираться в своем деле – одно, а в людях – совершенно другое. Шерри еще до этого не доросла. И ты тоже. Только будь проще, а то я с тоски помру слушать эти вечные жалобы. Кто жалуется, тот тряпка. А тебе не идет быть тряпкой.

В тот момент Бобби ненавидела и любила его, желала всей душой – и готова была послать. Джим говорил, будто хорошо разбирался в слабаках. Еще бы ему-то не разбираться, с такими наклонностями... Это было заметно уже тогда.

– Ну, так что? – спросил Джим. – Ты пойдешь в постель со своим бывшим издателем или будешь дальше реветь над

дурацкой открыткой?

И Бобби пошла с ним в постель, сама не зная (как не знает и до сих пор), хотелось ли ей этого. И вскрикнула, когда кончила.

Это было почти перед самым разрывом. Да-да, перед самым разрывом, припомнила она. Вскоре Джима женили, но и без этого все шло к расставанию. Он был слабаком и тряпкой.

Ну и ладно. Пора дать себе привычный добрый совет: «Не думай об этом».

Легко сказать: «Не думай»... Андерсон еще долго в ту ночь не могла уснуть. Книжка стихов пробудила в душе позабытых призраков. Или все дело в разгулявшемся ветре, от которого гудели карнизы и со свистом раскачивались кроны деревьев?

Ей почти удалось забыться, когда Пит начал завывать во сне.

Андерсон в испуге вскочила. Пес и раньше вел себя по ночам беспокойно (к примеру, выпускал невероятно вонючие газы), но не выл. Так плачут дети, когда им снятся кошмары.

Бобби в одних носках зашла в гостиную и опустилась на колени перед ковриком возле плиты.

– Питер, – шептала она, – Пит, успокойся.

И погладила пса. Питер и так весь дрожал, а от неожиданного прикосновения и вовсе отпрянул, оскалив полусгнившие зубы. Потом раскрыл оба глаза – больной и здоровый

– и вроде бы очнулся от сна. Заскулил, постучал по полу куцым хвостом.

– Все хорошо? – спросила Бобби.

Пес лизнул ее руку.

– Вот и спи. Хватит уже скулить, надоело. Кончай выделываться.

Питер улегся обратно, закрыл глаза. Андерсон продолжала с тревогой смотреть на него.

Ему снится та странная штука.

Рассудок отвергал эту мысль, однако ночь диктовала свое: *это так, и не сомневайся.*

В конце концов ей пришлось лечь в постель, а около двух часов ночи ей даже приснился сон. Очень странный сон. Бобби пробиралась во мраке... Нет, ничего не искала, скорее наоборот – пыталась уйти от чего-то. Дело было в лесу. Ветки со свистом хлестали ее по лицу и кололи руки. Ноги запинались о корни, стволы упавших деревьев. И тут впереди вспыхнул страшный зеленый луч. Во сне Бобби вспомнился Эдгар По, «Сердце-обличитель», а точнее – фонарь безумного рассказчика, закрытый наглухо, за исключением маленькой дырочки для света, который он направлял прямо в «недобрый» глаз своего престарелого благодетеля.

А потом у Бобби выпали зубы.

Все до единого – правда, без боли. Нижние вывалились наружу или ввалились внутрь, на язык или под язык, где и остались лежать твердыми комочками. Верхние упали на

грудь, прикрытую блузкой. Один провалился в лифчик с передней застежкой, которая вечно царапала кожу.

Свет. Зеленый свет. С ним что-то не то.

Сероватый, перламутрового оттенка, он лился в окно: похоже, поднявшийся ночью ветер дул не просто так, а к перемене погоды. Еще не посмотрев на будильник на ночном столике, Бобби почувствовала неладное. Потом схватила его и поднесла к самым глазам, хотя сохранила прекрасное зрение. Пятнадцать минут четвертого! Положим, она вчера припозднилась, но все равно должна была – по привычке или из-за мочевого пузыря – подняться в девять или хотя бы в десять. Но в этот раз Бобби провалялась в постели битых двенадцать часов... и теперь голодна как волк.

По-прежнему в одних носках, она вышла в гостиную. Питер лежал на боку, весь обмякнув, с вытянутыми лапами и запрокинутой головой, обнажив желтые зубы. «Умер, – Бобби похолодела. – Питер умер. Во сне». Она приблизилась, думая, как заставить себя прикоснуться к окоченелой плоти и безжизненной шкуре, когда вдруг из собачьей пасти вырвался сонный гортанный храп. У Бобби словно гора с плеч упала. Она позвала пса по имени.

Пит востропнулся с виноватым видом, словно и он понимал, что ужасно заспался. А может, и так. У этой собаки было необычайно развито чувство времени.

– Вот такие вот мы с тобой сони, дружище.

Питер поднялся, вытянул по очереди задние лапы, огля-

делся с потешно-озадаченным видом и направился к двери. Бобби распахнула ее. Пес помедлил на пороге, отнюдь не обрадовавшись дождливой погоде, но все же пошел по своим делам.

Андерсон постояла, пытаясь понять, с чего это ей пришло в голову, будто Питер умер. Что на нее накатило, откуда эта мрачность? Что ж, пора идти на кухню готовить себе еду – завтрак или как там его называют, когда впервые садятся к столу в три часа дня...

По пути она заглянула в ванную. Постояла перед забрызганным пастой зеркалом. Перед ней было отражение женщины, которой вот-вот стукнет сорок. В волосах седина, а так все нормально: не пьяница, не курильщица, все свободное от писательства время – на свежем воздухе. Черные, как у некоторых ирландок, волосы (никаких тебе рыжих локонов, воспетых в романах) – длинноваты, пожалуй. Серо-голубые глаза... Внезапно она оскалилась перед зеркалом, на секунду поверив, что увидит одни лишь гладкие розовые десны.

Но зубы оказались на месте – все до единого, спасибо фторированной воде из водопровода Ютики. Бобби даже дотронулась до них, чтобы лишний раз убедить свой мозг в очевидном.

И все же что-то не так...

Мокро.

По бедрам течет.

О нет, на неделю раньше! И главное, она только вчера по-

стелила свежие простыни.

Впрочем, когда она ополоснулась в душе, надела чистые хлопковые трусы и вернулась проверить постель, пятен там не было. Хоть «дела» и пришли не в срок, но, по крайней мере, дождались, пока она окончательно не проснется. Возможно, это из-за диеты. Или в биологических часах начинают соскакивать с осей шестеренки. Не хотелось, конечно, быстро состариться. Однако время от времени Бобби приходило в голову, каким облегчением было бы наконец оставить в прошлом все беспокойства, связанные с менструальным циклом.

Ночной кошмар был окончательно позабыт, и она пошла на кухню – завтракать.

Глава 2

Андерсон копает

1

Следующие три дня на улице лило как из ведра. Андерсон беспокойно слонялась по дому (разок даже прокатилась с Питом в Огасту закупить всяких в общем-то не нужных в хозяйстве мелочей), тянула пиво и занималась мелким ремонтом под старые записи «Beach Boys». Но где найти столько поводов для ремонта? На третий день она кружила вокруг пишущей машинки, раздумывая, не взяться ли за новую книгу. Уже и сюжет был готов: молоденькая, но строгая школьная учительница и охотник на бизонов втянуты в вооруженную междоусобицу из-за пастбищ в Канзасе. Дело происходит в девятнадцатом веке, в начале пятидесятых годов – тогда любой житель центральных районов страны вольно или невольно готовился к гражданской войне. Книга обещала получиться хорошей. Правда, Бобби считала, что «не дозрела» пока до новой работы (в голове зазвучал насмешливый голос Орсона Уэллса: «Мы не напишем ни строчки до срока!»⁶). Тем не менее это грызущее беспокойство, это

⁶ В 1970-х Орсон Уэллс снялся в рекламном ролике вин марки «Поль Мэссон».

нетерпение по отношению к книжкам, к музыке и к самой себе – все признаки налицо. Скоро Роберту начнет уносить в мир грез... И придется подолгу сидеть за пишущей машинкой, силясь переправить ее туда же.

Питера тоже мотало по дому: он то царапал дверь изнутри, чтобы выйти, то снаружи, чтобы войти; покружит, уляжется, снова вскочит. «Виновато низкое атмосферное давление, – думала Андерсон. – Из-за него мы такие квелые и неприкаянные».

Да еще «эти дни»... Обычно из нее лило, как из шланга, а потом словно кто-то резким движением заворачивал вентиль. На сей раз было не так: она подтекала, как неисправный кран, *ха-ха, не смешно*. На второй день дождя, с наступлением сумерек, Бобби вдруг очнулась перед пишущей машинкой с уже заправленным в каретку чистым листом. Пальцы сами застучали по клавишам, но выходили то какие-то детские крестики-нолики в виде бесконечно повторяющихся «Х» и «О», то вообще имитация математических уравнений... Глупо, учитывая, что в последний раз она имела дело с уравнениями еще в средней школе, а в настоящее время пользовалась клавишей «Х» исключительно для зачеркиваний. Наконец Бобби вытащила страницу и выбросила в корзину.

На третий дождливый день, ближе к обеду, она позвонила в университет, на кафедру английской литературы. Джим

не преподавал там уже лет восемь, но сохранил кое с кем отношения. Мюриел, например, обычно была в курсе всех его дел.

Как и на этот раз.

Джим Гарденер, сообщила она, сегодня, двадцать четвертого июня, уехал на чтения в Фолл-Ривер, в качестве участника так называемого Поэтического каравана Новой Англии. Через три дня он дважды выступит в Бостоне, а потом его ждут со стихами и лекциями Провиденс и Нью-Хейвен. Андерсон не удержалась от улыбки, узнав фирменный стиль Патрисии Маккардл.

– То есть вернется он... когда? Четвертого июля?

Мюриел удивилась:

– Ууу, вот этого не могу сказать, Бобби. Я не в курсе, когда его ждать обратно. Ты же знаешь Джима. Известно только, что последнее чтение назначено на тридцатое июня.

Андерсон сказала спасибо и положила трубку. Потом задумчиво посмотрела на телефон, вызвав в памяти образ Мюриел. Вот настоящая ирландка – с «правильным», огненно-рыжим цветом волос, круглолицая, зеленоглазая, пышногрудая, в самом соку. Интересно, Джим с ней уже переспал? С него станется. Андерсон почувствовала укол ревности – так, легкий укольчик. Мюриел классная. Стоило с ней поболтать – и стало легче. Приятно поговорить с человеком, который знаком с тобой лично. Это вам не просто читатель у книжной витрины в Огасте или редактор, высылающий ука-

зания по почте. Бобби не слишком нуждалась в обществе, но и не чуралась его. Порой от обычной беседы она получала такое удовольствие, какого, представьте себе, сама не ожидала получить...

И кажется, до нее наконец дошло, зачем вдруг понадобился Джим. Да-да, после разговора с Мюриел все встало на свои места. Бобби преследовали мысли о том непонятном предмете в лесу, причем теперь она уже твердо верила: там что-то вроде тайного захоронения. На самом деле Роберту тянуло не к новой книге, а на раскопки. Просто ей не хотелось заниматься этим в одиночку.

– А похоже, придется, Пит, – произнесла она, сидя в любимом кресле-качалке для чтения перед восточным окном.

Пес коротко взглянул на нее, словно говоря: «Как скажешь, детка». Андерсон вдруг подалась вперед и впервые за долгое время по-настоящему присмотрелась к нему. Питер ответил вполне бодрым взглядом, заколотил по полу хвостом. На мгновение у хозяйки мелькнула мысль: он как-то переменялся. Причем настолько, что это должно было броситься ей в глаза.

Но почему-то не бросилось.

Бобби откинулась на спинку и снова раскрыла книгу – очерк одного из преподавателей университета в Небраске, посвященный увлекательной теме «Междоусобные конфликты и гражданские войны». На этом вся увлекательность очерка и заканчивалась. Вспомнилось вдруг, как недавно ей

померещился голос Энн: «Сестрица, ты скоро свихнешься, как дядя Фрэнк!» А что... вполне может быть.

И вот она уже с головой погрузилась в очерк, время от времени делая пометки в отрывном блокноте, который нарочно для этой цели держала рядом. А за окном лило и лило.

2

Зато следующее утро выдалось образцовым – ясным, без единого облачка, хоть сейчас на открытку. Даже ветер, казалось, дул исключительно для того, чтобы отгонять разных мошек. До десяти утра Бобби расхаживала по дому, не зная, чем еще себя занять, и чувствуя, как в душе нарастает желание бросить все и отправиться в лес, на раскопки. Она честно пыталась бороться с позывом (опять этот Орсон Уэллс: «А вот ничего до срока не откопа...» Орсон, ты бы заткнулся, а?). Давно прошли те денечки, когда Бобби поддавалась любому порыву души, проводя свою жизнь под смелым девизом: «Нравится? Делай!» Не очень-то ей помогла эта философия. Даже наоборот: чуть ли не все неприятности происходили из-за необдуманых шагов. Другие пусть живут, как им заблагорассудится; вот только собственным импульсам она больше не доверяла.

После плотного завтрака (к слову, Питер – наверное, от радости, что дожди наконец закончились, – тоже ел с таким аппетитом, что пришлось добавить к обычной порции

омлет из яйца) Бобби мыла посуду и думала: вот если закончатся «эти дела», тогда все получится. Но нет, вряд ли это произойдет раньше положенного срока. Да, Орсон? Мать твою...

На улице она надела на голову соломенную шляпу и целый час провозилась в саду. Вообще дела здесь обстояли гораздо лучше, чем следовало (если вспомнить эти жуткие ливни). Горошек всходил, и пшеница исправно поднималась, как сказал бы дядюшка Фрэнк. В одиннадцать Бобби все бросила к чертовой матери. Она обогнула дом, заглянула в сарай за лопатой и заступом, немножко подумала и захватила еще и лом. Вышла, потом вернулась, чтобы взять из ящика с инструментом отвертку и разводной гаечный ключ.

Пес по привычке двинулся было следом, но в этот раз Андерсон обронила:

– Нет, Питер, – и указала на дом.

Любимец остановился с обиженным видом. Поскулил. Сделал робкий шаг в ее сторону.

– Нет, Питер.

Тот сдался и поплелся обратно, понурившись и повесив хвост. Жаль бедолагу, но Андерсон еще помнила, как он отреагировал на тарелку в земле. Бобби чуть постояла на тропинке с лопатой в одной руке, заступом и ломом в другой, наблюдая, как пес взобрался по ступенькам, отворил носом заднюю дверь и скрылся в доме.

Нет, все-таки что-то с ним не так... По-другому... Вот

только *что*? Если бы знать! На миг она почти вспомнила свой кошмар: пронзительный луч ядовито-зеленого света и зубы, выпавшие без боли.

Но только на миг.

А потом зашагала в лес, на встречу с той непонятной зарытой в землю штуковиной. На маленьком засеянном участке, оставшемся позади, мерно стрекотали цикады. Поле ждало первой жатвы.

3

В три часа дня Питер вырвал хозяйку из полуобморочного состояния, в котором та продолжала работать. Она вдруг осознала, что еще немного – и загнулась бы от голода и переутомления.

Питер выл.

Спина и руки Бобби покрылись гусиной кожей. Она уронила заступ и попятилась от таинственного предмета. Это была не тарелка, не ящик, а вообще неизвестно что. Бобби только помнила, как впала в бездумное оцепенение, и это ей очень не нравилось. Сегодня она не просто потеряла счет времени, она перестала чувствовать и саму себя. Словно кто-то забрался в голову, как забирается бульдозерист в кабину, заводит мотор и принимается дергать нужные ему рычаги.

А пес так и выл, подняв морду к небу. Протяжный, тоскливый звук, ледящий кровь.

– Перестань, Питер! – завопила Андерсон, и, к счастью, тот перестал. Еще немного – она сорвалась бы с места и бросилась в бегство.

Бобби попыталась взять себя в руки. Отступила еще на шаг... Но тут ее что-то мягко хлопнуло по спине. Услышав крик хозяйки, Питер издал еще один краткий визгливый звук, но тут же умолк.

Андерсон не глядя нащупала то, что ее задело. Трудно сказать, чего она ожидала. Впрочем, за секунду до прикосновения Бобби вспомнила – смутно, будто сквозь сон, – как прервала работу, чтобы повесить на куст свою блузку. Да, это она.

Бобби надела ее, но неправильно застегнула пуговицы, и блузка перекосилась на один бок. Пришлось переделывать всю работу заново. Андерсон, не отрываясь, смотрела на результаты своих раскопок (вот сейчас этот археологический термин как нельзя более подходил к ее действиям). Как она провела здесь эти четыре часа, Бобби помнила очень смутно; в голове всплывали даже не воспоминания, а их жалкие клочья.

Но теперь, глядя на плоды своего труда, она испытала благоговейный страх... смешанный с растущим восторгом.

Что бы это ни было, оно оказалось *огромным*. Не просто *большим*, понимаете?

Лопата, заступ, лом лежали на некотором расстоянии друг от друга возле пятнадцатифутовой траншеи. А рядом с ними

красовались аккуратные черные кучки лесной земли и груды камней. В том самом месте, где Андерсон запнулась ногой о трехдюймовую штуковину из серого металла, теперь возвышался четырехфутовый край какого-то титанического предмета. *Серый металл... Какой-то предмет...*

«Для писательницы я сама точность и конкретность», – мысленно усмехнулась Андерсон, вытирая рукавом вспотевший лоб. Но что поделать? Она и вправду не знала, что это за металл. Сталь? Наверяд ли. Может быть, редкий сплав: бериллий, магний, что-то еще? Да не знает она!

Бобби принялась расстегивать джинсы, чтобы заправить блузку, но вдруг замерла от неожиданности. Выцветшие «Левайсы» были насквозь пропитаны кровью.

Ничего себе. Ну и ну. Это не месячные, это Ниагара какая-то. Андерсон охватил нешуточный страх. Впрочем, нашла чему удивляться, трусиха. Перед этим Роберта работала точно в трансе и наворотила столько – четверым здоровым мужикам не управиться... Это она-то, хрупкая женщина. Немудрено, что кровотечение усилилось. Да все нормально. Остается только порадоваться, что она просто течет, а не корчится в судорогах от боли.

Ой-ой-ой, какие мы романтичные, Бобби. Она подавила хриплый смешок.

Самое время наведаться в душ и переодеться. А по джинсам давно уже плачет мешок для ветоши. Одной проблемой меньше в этом тревожном и беспокойном мире, правильно?

Правильно. Было бы о чем горевать.

Она застегнула молнию, не заправляя блузку: незачем марахать еще и ее, хотя, положив руку на сердце, блузка тоже не «Диор». Липкая влажность внизу живота заставляла морщиться при любом движении. Боже, как же ей надо в душ! Срочно!

Но вместо того чтобы тронуться вверх по склону к тропинке, Бобби вновь подошла к предмету в земле, точно притянутая магнитом. Питер завыл, и она вновь покрылась мурашками.

– Да заткнешься ты там или нет?!

Она почти никогда не орала на пса всерьез. Но, черт побери, в этот раз Бобби чувствовала себя подопытной в лаборатории. Зазвенел колокольчик – выделилась слюна... То есть, тьфу, завyla собака – побежали мурашки. Никакой разницы.

Оказавшись близко к своей находке, Бобби в изумлении залюбовалась ею и сразу же позабыла о Питере. Прошла секунда, другая... Она протянула руку. Дотронулась. И вновь уловила необъяснимую вибрацию: та пробежала по пальцам и растворилась. Как если бы это был корпус гигантской машины, внутри которой на полную мощь работал мотор. Необычайная гладкость металла наводила на мысль о машинном масле; казалось, стоит коснуться поверхности – запачкаешься.

Она сложила ладонь в кулак и осторожно постучала ко-

стяжками пальцев. Предмет отозвался глухим, как от удара по деревянной колоде, звуком. Помедлив, Бобби вытащила из заднего кармана отвертку и нерешительно, отчего-то чувствуя себя чуть ли не вандалкой, провела острым концом по металлу. Царапины не осталось.

Если внимательно приглядеться, то начинало мерещиться... Но нет, это обман зрения... Будто предмет утолщается от торчащего края к центру, запрятанному глубоко под землей. И что край чуть заметно изогнут. Однако, если глаза не врут – можно предположить такое! Это нелепо, чудесно, страшно, невероятно... И с какой-то безумной точки зрения совершенно логично.

Бобби провела ладонью по гладкому металлу, потом очулась и отступила на шаг. С какой стати она тут ласкает металлическое хрен-знает-что, в то время как по ногам хлещет кровь? Да, но если догадка верна, месячные станут самой мелкой из всех возможных напастей.

«Тебе надо кому-нибудь рассказать о происходящем. И как можно скорее, Бобби».

«Я Джиму позвоню. Когда он вернется».

«Ну разумеется. Позови поэта. Великолепно. А почему не преподобного Муна⁷? Эдвард Гори с Гэханом Уилсоном⁸ то-

⁷ Мун Сон Мен (1920–2012) – южнокорейский религиозный деятель, основатель и лидер религиозного движения «Церковь объединения».

⁸ Эдвард Гори (1925–2000) – американский писатель и художник, известный своими книжными иллюстрациями в стиле макабр. Гэхан Уилсон (р. 1930) – американский писатель, карикатурист и иллюстратор, прославившийся серией ка-

же сойдут – они недурно рисуют. И еще найми две-три рок-группы, закатим здесь долбаный Вудсток 1988-го, а?! Пора быть серьезнее, Бобби. Звони в полицию».

«Нет. Сперва – Джим. Он должен это увидеть. Мы все обсудим. А пока я еще покопаю».

Но это может быть очень опасно.

Да, и не просто может, а будет. Она уже это почувствовала, не так ли? И Питер тоже.

Кстати, вот еще что странно: сегодня утром, спускаясь по склону, Бобби чуть было не наступила на дохлого сурка. Судя по запаху, бившему в ноздри, тот умер два дня назад, не меньше, но мухи над ним почему-то не вились, их жужжание предупредило бы неосторожную путницу. Андерсон не могла припомнить похожего случая. Причину смерти по внешнему виду установить не удалось. Но ведь не связано же это с непонятной штукой в земле? Бред какой-то! Он, наверное, съел отравленную приманку на чьем-нибудь поле и прико-вылял сюда умирать.

Иди домой, Бобби. Переоденься. Ты вся в крови, и пахнет от тебя плохо.

Она попятилась, а затем развернулась и принялась подниматься по склону. На тропинке ее чуть не сбил с ног Питер. Неуклюже налетев на хозяйку, он бросился облизывать ей лицо с такой радостью, что его даже стало немного жаль. Год назад Питер попытался бы сунуть нос ей между ног, привле-

ченный запахом, теперь же он лишь дрожал.

– Вот дурак! Кому было сказано оставаться дома?

Однако Бобби была даже рада его появлению; а вдруг она заработалась бы здесь до сумерек? Возвращаться затемно, зная, что где-то рядом в ночи торчит эта штука... Такая перспектива совершенно ее не прельщала.

Андерсон обернулась. С высоты было легче оценить масштабы. Предмет торчал из земли под небольшим наклоном. Передняя кромка и в самом деле чуть-чуть закруглялась.

Я же сразу подумала о тарелке, когда впервые пыталась ощупать его под землей. «Стальная тарелка, но не обеденная...» А ведь из земли торчала такая малая часть... Тарелка!

Летающая, черт возьми, тарелка.

4

Дома Бобби сходила в душ и переделалась, и, хотя кровотечение уже начало останавливаться, взяла самый надежный тампон. А затем приготовила плотный ужин из тушеной фасоли с колбасками. Остатки – то есть львиную долю – пришлось отдать Питеру. А Бобби ждали кресло-качалка возле окна и очерк на полу (нужное место она заложила спичечной этикеткой). Рядом лежал отрывной блокнот. Бобби взяла его и на чистой странице принялась рисовать загадочную штурковину из леса – такой, какой увидела ее с тропинки перед

уходом.

Не сказать чтобы она была с ручкой на «ты», если дело не касалось написания текстов, но все же кое-какой талант имелся. Впрочем, рисунок продвигался медленно, и даже не из-за стремления к точности: просто новоявленная художница утомилась. А тут еще Питер пришел и стал тыкаться носом в руку, прося ласки.

Хозяйка рассеянно погладила его голову и отвела мокрый нос от рисунка.

– Да, ты хороший песик, отличный песик, сходи-ка проверь нашу почту, а?

Питер поплелся через гостиную и открыл носом дверь с натянутой на ней сеткой от комаров. Андерсон поспешила вернуться к рисунку, только разок оторвавшись, чтобы взглянуть, как пес выполнит свой фирменный трюк «собака, достающая письма». Оперевшись левой передней лапой о столб, правой он стукнул по дверце ящика. Джо Полсон, местный почтальон, нарочно оставлял ее приоткрытой для Питера. Та откинулась вниз, но и пес потерял равновесие, не успев схватить почту зубами.

Хозяйка болезненно поморщилась. До этого года Питер не допускал подобных оплошностей. А ведь он так гордился этой своей способностью – даже больше, чем умением изображать мертвого вьетконговца, и уж куда больше, чем выполнением банальных команд «голос» или «сидеть» за одну галету. Зрители каждый раз изумлялись, и Питер знал

об этом. Однако в последнее время наблюдать за ним было грустно. Все равно как если бы по телевидению выступали Фред Астер и Джинджер Роджерс, пытаясь изобразить один из своих старых танцев.

Пес повторил попытку. На этот раз у него получилось вытряхнуть из ящика почту – каталог и письмо (или счет – да, скорее всего, ведь сейчас конец месяца) – одним ударом лапы. Пока Питер подбирал с земли разлетевшиеся бумажки, Бобби опустила взгляд на рисунок, мысленно одернув себя: нельзя же, в самом деле, каждые две минуты звонить по любимцу в похоронный колокол! Сегодня он еще ничего, а на днях вообще раза три-четыре поднимался на задние лапы, прежде чем вытащил почту, состоявшую, как обычно, из бесплатных пробников «Проктер энд Гэмбл» и буклетов из «Кей-март».

Бобби присмотрелась к рисунку и задумчиво заштриховала тень на высокой сосне с расщепленной верхушкой. Не стопроцентное попадание, но в целом узнаваемо. Во всяком случае, суть она ухватила.

Ей захотелось заключить рисунок в квадратную рамку. А потом из квадрата сделать грань куба... Словно так можно было отгородить непонятный предмет от остального мира. На рисунке изгиб заметен, а вот существует ли он в реальности?

Да. И эта металлическая тарелка – действительно корпус. Гладкий, как зеркало, и без единой заклепки.

Бобби, ты сходишь с ума... Но ты уже в курсе, верно?

Питер поскреб москитную сетку, чтобы его пропустили. Бобби направилась к двери, все еще глядя на свой рисунок. Пес положил добытую почту на стул в коридоре и медленно поковылял на кухню в надежде найти в миске незамеченный ранее кусочек.

Бобби, привычно поморщившись, вытерла почту о джинсы. Занятный трюк, кто бы спорил, но ее никогда не радовала собачья слюна на конвертах. Каталог был от «Радио шэк»: ей предлагали купить текстовый процессор; ну а счет – из Центральной энергетической компании штата Мэн (почему-то снова вспомнился Джим Гарденер). Бросив и то и другое на стол, Бобби вернулась в кресло-качалку, раскрыла блокнот на новой страничке и стала торопливо копировать свой первый рисунок.

Потом чуть нахмурилась: может, она додумывает изгиб? Словно прокопала не на четыре фута в глубину, а на двенадцать-четырнадцать. Ну и что? Она же писательница, это часть ее ремесла – додумывать. Те, кто считает вымысел прерогативой научных фантастов или авторов фэнтези, просто незнакомы с литературной кухней и не имеют понятия о проблеме заполнения белых пятен в истории. Куда, например, исчезли однажды все колонисты с острова Роанок, неподалеку от побережья Северной Каролины, оставив только необъяснимую надпись, вырезанную на дереве: «КРОАТОАН»? Откуда взялись монолиты с острова Пасхи? И почему оби-

татели маленького городка Благословенный, штат Юта, все разом сошли с ума (по крайней мере, так полагают) одним летним днем 1884 года? Пока это никому не известно, можно сколько угодно строить догадки... Должен же быть какой-то способ рассчитать диаметр окружности по ее изгибу! Точно должен, наверняка. Загвоздка в том, что Бобби запомнила треклятую формулу. Но хоть приблизительно? Допустим, она не ошиблась в предположениях. Можно, к примеру, попробовать найти центр...

Роберта поспешила к рабочему столу и вытащила средний ящик, куда сваливала всякую всячину: потрепанные пачки оплаченных счетов, сдохшие батарейки (по какой-то причине у Бобби не поднималась рука их выбрасывать, так что там, где женщины обычно копят подаренные фигурки слоников, у нее было самое настоящее Кладбище Батареек), мотки тонких резиночек, неотвеченные письма фанатов (избавиться от них рука тоже не поднималась), карточки с рецептами... На дне лежали вразброс карандаши и прочая мелочь; там она и нашла то, что нужно: циркуль с обломком желтого карандаша.

Бобби вернулась в кресло-качалку, открыла блокнот на новой странице и в третий раз нарисовала торчащий из земли металлический край. Теперь она увеличила свой набросок, стараясь тщательно соблюдать пропорции, а вот очертания деревьев вокруг только-только наметила, чтобы не потерять перспективы.

– Ладно, попробуем, – произнесла Бобби, втыкая иголку в желтую страницу отрывного блокнота.

Затем настроила ножку циркуля и провела через нарисованную дугу полную окружность. Посмотрела на то, что у нее получилось, – и зажала себе ладонью рот.

– Это бред, – только и смогла прошептать Бобби.

А вот и не бред.

Если она не слишком грубо прикинула изгиб и не сильно ошиблась, когда искала центр, то этот предмет под землей должен иметь по меньшей мере три сотни ярдов в окружности.

Андерсон уронила блокнот и циркуль и стала смотреть в окно, слушая учащенное биение своего сердца.

5

Когда наступило время заката, Бобби уселась на заднем крыльце и, глядя вверх садовых деревьев на темнеющий лес, слушала голоса у себя в голове.

Однажды в колледже, еще на первом курсе, она принимала участие в семинаре кафедры психологии, посвященном теме творческих способностей. И поразилась, а также испытала немалое облегчение, узнав, что почти все люди с развитым воображением слышат голоса (она-то всю жизнь думала, что страдает каким-то неврозом, и старалась это скрывать). Не просто мысли, а именно голоса – чужие, отчетли-

вые, несхожие между собой, как у дикторов радио прошлых лет. Преподаватель объяснил, откуда они берутся: из правого полушария, зачастую ответственного за такие явления, как видения, телепатия и поразительная способность некоторых людей создавать яркие образы при помощи сравнений и метафор.

Летающих тарелок не существует.

Да что вы? Кто вам сказал?

Ну, хотя бы ВВС. Их представители еще двадцать лет назад закрыли эту тему, заявив, что девяносто семь процентов подтвержденных свидетельств легко объясняются с точки зрения традиционной науки, а остальные три можно списать на необычные явления в атмосфере: паргелий⁹, турбулентность при ясном небе, атмосферные разряды... Черт, а лаббокские огни?! В свое время это была сенсация, и что же выяснилось в итоге? Крупные стаи мигрирующих мошек, вы понимаете? Свет от лаббокских фонарей отражался от их бесчисленных крыльев и, падая на низкие облака, затянувшие небо над городком на целую неделю, создавал видимость огромных освещенных объектов, движущихся с невероятной скоростью. И кто из американцев в те дни не верил, что на главную улицу Лаббока вот-вот заявится существо в легком космическом скафандре с закрытым лицом,

⁹ Оптический феномен, который выглядит как светлое радужное пятно на уровне солнца. Возникает вследствие преломления солнечного света в кристалликах льда, парящих в атмосфере.

как у Майкла Ренни в фильме «День, когда остановилась Земля», и, подзвав к себе ручного гигантского робота, потребует личной встречи с правителем планеты? А это были всего лишь мошки. Нет, как вам нравится?! И должно ли вам это нравиться?

Между прочим, голос в голове звучал на удивление четко и принадлежал он доктору Клингельману, проводившему тот семинар. Старый добрый Клинги, сколько энтузиазма он вкладывал в свои выступления. Андерсон с улыбкой зажгла сигарету. Что-то она много курит в последние дни – перетумила, наверное.

В 1947-м капитан ВВС по фамилии Мантел залетел чересчур высоко, преследуя летающую тарелку (так он думал), – и потерял сознание. Самолет разбился, Мантел погиб. Он умер, погнавшись за отражением Венеры на стремительно скользящих облаках, иными словами, за паргелием. Так что отражения мошек существуют, Бобби, отражение Венеры – тоже, а летающие тарелки – нет.

Но что закопано там, в земле?

Голос лектора замолчал – видимо, не нашел, что ответить. Вместо него зазвучала Энн, чтобы в третий раз повторить одно и то же: ее сестричка уже готова свихнуться, как дядя Фрэнк; скоро ее оденут в поношенную смирительную рубашку и доставят с комфортом в клинику для душевнобольных в Бангоре или в Джунипер-Хилл, где Роберта будет до скончания дней бредить об НЛО, зарытых в лесу, и плести

корзины... Да, это вполне в стиле Энн. Можно прямо сейчас набрать номер сестрицы, поведать ей о случившемся и услышать точно такое же наставление, слово в слово.

Но права ли она?

Нет. Неправа. Сестрица не видела разницы между уединенной жизнью и безумием, и переубедить ее не было ни малейшей надежды. Положа руку на сердце, мысль о спрятанном в лесу космическом корабле и впрямь кажется бредовой... Но отчего бы не допустить такую возможность, раз других версий все равно пока нет? Энн была бы против, а Бобби – наоборот. Что плохого случится, если открыть разум для новых, невероятных идей? Вот только не слишком ли быстро пришла к ней подобная мысль?

Андерсон поднялась и вернулась в дом. В прошлый раз, покрутившись у неизвестного предмета в лесу, она проспала двенадцать часов. Вот бы и сегодня устроить такой же постельный забег. Видит бог, при ее усталости это не повредило бы.

«Оставь эти игры, Бобби. Ты в большой опасности».

Но она не оставит, разве не ясно? «Не теперь», – подумала она, стягивая футболку с надписью «*Голосуйте за Опуса*»¹⁰.

Как выяснилось, уединенная жизнь отличается одним неудобством, и именно поэтому большинство ее знакомых боялись остаться в одиночестве даже ненадолго: проходит

¹⁰ Опус-пингвин – популярный персонаж комиксов, по сюжету выдвигавшийся на должность вице-президента США во время президентских выборов 1984 года.

немного времени – и начинаешь слышать голоса из правого полушария. Чем дальше, тем громче и отчетливее они звучат. Критерии рационального утрачивают актуальность в молчании, а голоса набирают силу, уже не просят, а требуют твоего внимания. Немудрено испугаться и счесть их признаком сумасшествия.

«Энн точно сочла бы», – невесело усмехнулась Бобби, забираясь в кровать. Лампа отбрасывала на стеганое одеяло четко очерченный круг света; жаль, очерк о войнах так и остался лежать на полу. Она целый день ожидала болезненных спазмов, которые сопутствовали ранним обильным месячным, но пока что так и не дождалась. Ну и не очень-то хотелось, сами понимаете.

Бобби сцепила пальцы за головой и уставилась в потолок. «Нет, Бобби, ты не сошла с ума, – размышляла она. – Вот Гарденер – тот немного рехнулся, но ты...» Ох, а это разве не признак безумия? Психологи говорят в таких случаях об отрицании и подмене понятий. Типа, я в норме, это все вокруг сумасшедшие...

Все верно. Вот только она действительно чувствует, что держит себя под контролем. Одно можно сказать точно: здесь, в Хейвене, Бобби намного здоровее умом, чем была в Кливз-Миллз, и уж куда здоровее, нежели в Ютике. Еще пара лет, проведенных рядом с сестрой, и наверняка пришлось бы составить компанию Безумному Шляпнику. Похоже, Энн считала, что сводить своих ближних с ума – ее... даже не ра-

бота, нет, это слишком приземленное слово... Ее священная миссия.

Впрочем, Бобби беспокоилась не столько из-за того, что так легко пришла к мысли о существовании НЛО; сейчас ее больше тревожило чувство твердой *уверенности* в этом. Открытый разум – конечно, неплохо, но хорошо бы еще сохранить то, что Энн зовет здравомыслием. Бобби больше не сомневалась. И это наполняло ее смятением, страхом, тревогой, но в первую очередь – нарастающим неумемным восторгом.

«Видишь ли, Энн, старушка Роберта могла бы вернуться в Стоквилль и слететь с катушек, но предпочла переехать сюда и выздороветь. Безумие всегда означает *ограничение* наших возможностей, ясно тебе? Сумасшедший откажется проследовать за собственной мыслью, даже увидев в ней логику... У него словно нет жетончика на проезд, понимаешь? Нет? Ну еще бы. И никогда бы не поняла. Вот и шагай отсюда. Оставайся-ка ты в своей Ютике, Энн, и скрипи зубами во сне, пока не сотрешь их до самых десен, доводи до безумия каждого, кто рискнет оказаться в зоне действия твоего голоса, будь так любезна, только шагом марш из моей головы.

Эта штука в земле – корабль, прилетевший из космоса.

Вот так. И все. И никакого бреда. Плевать на Энн, плевать на лаббокские огни и даже на ВВС, закрывшие тему НЛО. Плевать на колесницы богов, на Бермудский треугольник или на то, как Илия был живым взят на небо в огненном

шаре. Там корабль, приземлившийся или разбившийся, может быть, миллионы лет назад.

Боже!»

Она продолжала лежать, скрестив руки за головой. Несмотря на внешнюю холодность и спокойствие, сердце в груди колотилось быстрее, быстрее, быстрее...

И вдруг уже кое-кто другой, а именно покойный дедушка повторил вслед за голосом Энн: «Не лезь туда, Бобби. Это опасно».

Необъяснимая дрожь под пальцами. Стремительно возникшая, пугающе неколебимая уверенность в том, что из-под земли торчит край чьего-то гроба. Поведение Питера. Преждевременно наступившие месячные – причем здесь, на ферме, они еле-еле капают, а возле того предмета Андерсон истекает кровью, будто зарезанная свинья. Утрата чувства времени. Ненормально долгий сон. И плюс еще старина сурок, провонявший смертью и разложением, но почему-то без мух. Даже не спросишь, что за муха его укусила...

«Чепуха какая-то. Я готова поверить в летающую тарелку, потому что, как бы дико это ни прозвучало вначале, в этой мысли есть хоть небольшая логика. Но где же логика в этих разрозненных фактах? Они словно бусинки, раскатившиеся по всему столу. Вот если бы нанизать их на нитку – другое дело, а так... Я даже думать об этом не собираюсь. Понятно?»

И снова неторопливый, властный дедушкин голос, един-

ственный в мире умевший заставить девочку Энн замолчать: «Все это произошло сразу после твоей находки, Бобби. Вот тебе и нитка для связи».

Нет. Недостаточно.

Легко ей перечесть дедушке – теперь, когда он шестнадцать лет пролежал в могиле. Тем не менее его голос преследовал ее и во сне:

«Не лезь туда, Бобби. Это опасно...

Сама знаешь...»

Глава 3

Питер видит свет

1

И почему, интересно, Бобби сразу не поняла, *что* не так с Питером? На следующее утро ей это бросилось в глаза первым делом.

Проснувшись в привычное время, около девяти, она прошла на кухню и высыпала полпачки «Грейви трейн» в старую красную миску. Пес, как всегда, радостно пришел на звук. «Грейви трейн» в их доме появился недавно. Вплоть до этого года на завтрак были «Гейнз мил», на ночь – полбанки «Ривал догфуд», а днем – все, что Питер сумеет переварить во время лесной прогулки. А потом он вдруг перестал есть «Гейнз мил», и до хозяйки дошло только через месяц: дело не в том, что любимый корм ему надоел; просто Пит больше не мог пережевывать пеньками зубов даже маленькие кусочки. И тогда ей пришлось купить «Грейви трейн»... Так старые люди когда-нибудь начинают кушать яйца-пашот на завтрак.

Бобби залила корм теплой водой из-под крана и помешала его старой ложкой. Вскоре набухшие гранулы уже плавали

в грязной жиже, которая, по идее, должна была напоминать подливку... или засор из трубы под мойкой.

– Ага, вот и ты, – сказала Бобби, оборачиваясь.

Питер сидел в условленном месте – то есть на таком расстоянии, чтобы Роберта, повернувшись, на него не наткнулась, – и бил хвостом по линолеуму.

– Надеюсь, тебе это хоть немного нравится. Потому что меня бы наизнанку выверну... – Тут она замерла с красной миской в руке, не успев наклониться. Упавшие волосы закрыли глаз; она отвела их в сторону. И услышала собственный голос: – Пит?

Пес удивленно посмотрел на нее – и побрел к подстилке. Мгновение спустя он уже бодро лакал свой завтрак.

Бобби выпрямилась. Хорошо, что она не видит сейчас его морду. В голове вновь настойчиво зазвучал голос бабушки, убеждающий не лезть туда, где опасно, ведь Бобби сама это знает, и разве этого не достаточно?

«В этой стране найдется миллион человек, которые с радостью сбежали бы сюда, узнай они о подобной «опасности»... И еще бог знает сколько таких во всем мире... А если штукавина еще на что-то способна? Как насчет рака, к примеру?»

У нее подкосились ноги. Бобби попятилась и рухнула на подвернувшийся стул, неотрывно глядя на Питера.

Молочная катаракта, закрывавшая его левый глаз, наполовину исчезла.

– Нет, даже не представляю, – произнес ветеринар несколько часов спустя.

Питер послушно сидел на столе для осмотров, а Бобби занимала единственный стул для посетителей. Еще недавно ее страшила мысль о том, что придется везти любимца к ветеринару... А теперь, похоже, его вообще не придется усыплять.

– Но это же правда, мне это не показалось?

Бобби хотела услышать утвердительный ответ врача, нежели недовольный голос Энн у нее в голове: «Так тебе и надо! Сбежала от людей, живешь тут с какой-то вонючей шавкой!»

Эйзеридж покачал головой:

– Нет. Но ваше замешательство мне понятно. Надо сказать, я и сам несколько сбит с толку. Катаракта находится в стадии активной ремиссии. Можешь слезать, Питер.

Тот спустился со стола на стул ветеринара, на пол, а оттуда забрался на колени к хозяйке.

Андерсон погладила его по голове, пристально глядя на Эйзериджа и не решаясь произнести вслух вопрос, который ясно читался в глазах: «Вы точно видели это?» Ветеринар поспешил отвести взгляд. «Да, видел, но ни за что не признаюсь».

Как осторожно Питер слез со стола! Теперь его движения не сравнить с безудержной резвостью щенка, каким он был когда-то... А ведь еще неделю назад он бы робко, дрожа всем телом, неуклюже сполз на пол, неестественно вывернув голову вправо, чтобы посмотреть, куда наступает, и притом так шатался бы, что Бобби, наверное, выдохнула бы только после того, как увидела его внизу целым и невредимым. На этот раз Питер спустился неспешно, но с твердой уверенностью пожилого политика (так он двигался года два-три назад). И пожалуй, дело не только в восстановлении левого глаза, которое Эйзеридж подтвердил при помощи серии тестов. Мало того: улучшилась координация всего тела. Вот так вот. Запросто. Невероятно, но факт.

Но ведь не из-за исчезнувшей катаракты морда Пита, целый год как белая, переменяла цвет на соль с перцем? Бобби заметила это уже в машине – и чуть не съехала на обочину.

Интересно, сколько еще мелочей заметил Эйзеридж, но не захотел признавать? Бобби предположила, что много. Хотя, конечно, это не доктор Даггет. Тот обследовал Питера самое меньшее дважды в год целых десять лет. Ну и между плановыми осмотрами бывали разные случаи – например, когда годовалый щенок решил помериться силами с дикобразом, а Даггет потом вытаскивал из него иголки, насвистывая мелодию из фильма «Мост через реку Квай» и поглаживая дрожащего бедолагу свободной ладонью, такой большой и чуткой... А в другой раз Питер приковылял домой с дробью в

филейной части – суровым подарочком от охотника, либо слишком глупого, чтобы смотреть, куда он целится, либо садиста, готового причинить боль собаке, раз под руку не подвернулась куропатка или фазан. Доктор Даггет заметил бы перемены и даже при всем желании не смог бы их отрицать. Доктор Даггет снял бы очки в розовой оправе, протер их о край белого халата и проговорил бы: «Надо срочно проверить, где он побывал и куда вляпался. Это очень серьезно, Роберта. Собаки не молодеют ни с того ни с сего, а с Питером, кажется, именно это и происходит». Андерсон пришлось бы ответить: «Я в курсе, где он побывал, и даже точно знаю, в чем дело». Вот оно, решение всех проблем, верно? Но доктор Даггет продал частную практику Эйзериджу – неплохому на первый взгляд специалисту, который, однако, так и остался здесь чужаком, – а сам укатил во Флориду. Тем временем Питер старел, дряхлел и все чаще – теперь уже до четырех раз в год – нуждался в осмотрах. И новый ветеринар проводил их со всей исправностью, но... видел он куда меньше. Возможно, ему не хватало проницательности предшественника. Или его характера.

Тут в палате у них за спиной разразилась басистым лаем, напоминающим пулеметную очередь из проклятий, немецкая овчарка. Остальные псы подхватили. Питер наострил уши и начал вздрагивать. Приключившаяся с ним «Загадочная история Бенджамина Баттона», как видно, не прибавила Питу невозмутимости. Едва выйдя из щенячьего возраста

та, он сделался настолько спокойным и непробиваемым, что иногда напоминал паралитика. Эта дрожь – что-то новенькое.

Эйзеридж слушал с нахмуренным лбом. Теперь залаляли чуть ли не все собаки разом.

– Спасибо, что уделили нам время... – Роберте пришлось повысить голос. Уже и в приемной отрывисто, нервно залаяла какая-то мелкая собачка – шпиц или, скорее всего, пудель. – Вы очень... – Она запнулась, ощутив под пальцами
(летающая тарелка)

вибрацию, как от того предмета в лесу. Правда, на сей раз не настолько таинственную. Это явление Бобби хоть и редко, очень редко, но приходилось уже наблюдать. В горле Питера kloкотал глухой рокот.

– ...любезны, но, кажется, нам пора уходить. У вас тут просто митинг какой-то.

Это задумывалось как шутка, но прозвучало вполне серьезно. По всей маленькой клинике, состоящей из приемного и процедурного кабинетов, палаты и операционного зала, словно шквал прокатился. Шпица в приемной поддержали еще два собачьих голоса... и визгливые завывания – несомненно, кошачьи.

– Доктор Эйзеридж... – испуганно позвала миссис Алден, просунув голову в дверь.

– Иду, – резко бросил он. – Прошу прощения, мисс Андерсон. – И быстро вышел.

Стоило ему открыть дверь, и лай стал вдвое громче. «Они там с ума посходили, что ли?» – не успела подумать Андерсон, как вдруг Питер резко рванулся из рук. Нарастающий рокот прорвался из его горла угрожающим рыком. Эйзеридж не услышал этого: он торопился по главному коридору, оглушенный лаем со всех сторон, да и дверь как раз закрывалась... зато услышала Андерсон. И не схвати она Питера за ошейник – любимец вылетел бы стрелой из кабинета вслед за ветеринаром. Дрожание, рык – явно не признаки страха, вдруг осознала хозяйка. Тут самая настоящая ярость, хотя откуда, казалось бы? Это так не похоже на Питера... Она натянула ошейник, и рык превратился в сдавленное: «Гав!» Пит обернулся. В его вращающемся, налитом кровью глазе сверкало нечто ужасно похожее (как потом признается себе Андерсон) на гнев существа, которому помешали броситься на добычу.

Ну, знаете... Бобби могла смириться с тем, что на ее земле закопана летающая тарелка окружностью в добрых три ярда; что загадочные вибрации или эманации корабля отняли жизнь у неосторожно приблизившегося сурка, причем даже мухи не пожелали лакомиться останками; плевать на обильные месячные, на почти пропавшую катаракту, даже на то, что старый пес начал ни с того ни с сего молодеть.

Пустяки.

Но увидеть безумную ненависть к себе, к Бобби Андерсон, в глазах своего любимца Питера... это уж слишком.

К счастью, все быстро закончилось. Дверь кабинета захлопнулась, приглушив какофонию, и Питер как будто бы начал успокаиваться – еще дрожал, но хотя бы уселся.

– Уходим отсюда, Пит, – позвала хозяйка, потрясенная гораздо сильнее, чем она потом признается Джиму Гарденеру. А все потому, что ей будет невыносимо в подробностях вспоминать плотоядную злость, сверкнувшую в здоровом глазе любимца.

Судорожно нащупав и чуть не уронив непривычный поводок, снятый с Питера при входе в кабинет, Бобби (ее всегда раздражало это правило, обязывавшее приводить в клинику *каждую* собаку на поводке – да, всегда раздражало, но только не теперь) кое-как пристегнула его к ошейнику, подвела пса к двери и толкнула ее ногой. В коридоре поднялся невообразимый гам. Визгливый голос и впрямь принадлежал шпицу, питомцу тучной дамы в желтых слаксах и желтой же кофточке. Толстуха едва удерживала песика, причитая: «Ну, Эрик, будь пайнкой, ради мамули!» Крысиные глазки Эрика ярко сверкали между ее дряблыми большими руками, остального почти не было видно.

– Мисс Андерсон... – начала миссис Алден. Ошеломленная, даже немного испуганная, она пыталась привычно вести дела в месте, неожиданно превратившемся в дурдом. Бобби

прекрасно понимала ее чувства.

Тут шпиц увидел Питера – и началось. Бобби позже могла бы поклясться, что началось именно *этого*. Не долго думая, песик вонзил свои острые зубки в пухлую руку.

– Вот сволочь! – взвизгнула «мамуля» и уронила Эрика на пол.

По руке побежала кровь.

В то же мгновение Питер устремился вперед, рыча и лая, буквально сорвав с места Роберту с ее коротким поводком. Ясным внутренним взглядом писательницы Андерсон уже видела, что случится дальше. Эрик и Питер сойдутся точно в центре, подобно Давиду и Голиафу; вот только малышу не достанет смекалки, не говоря уже о праще, чтобы победить великана. Питер единым махом откусит ему башку.

Катастрофу предотвратила девочка лет одиннадцати, сидевшая слева от «мамули» с сумкой-переноской на коленях (внутри поблескивал крупный полоз, каждая чешуйка которого сияла здоровьем). С молниеносной реакцией, свойственной только детям, она выбросила вперед ногу и придавила к полу поводок шпица. Песик аж перекувыркнулся в воздухе. Сохраняя спокойствие среди полного бедлама, девочка подтащила его к хозяйке.

– А вдруг у этого засранца бешенство? – продолжала голосить та, направляясь к миссис Алден.

Между пальцами, сжимающими место укуса, сочилась кровь.

Когда толстуха прошла мимо, Питер мотнул головой в ее сторону, и Бобби пришлось тащить его к выходу, натянув поводок. На двери висела маленькая табличка с надписью: «ПРОСЬБА ОПЛАЧИВАТЬ УСЛУГИ НАШИХ СПЕЦИАЛИСТОВ НАЛИЧНЫМИ ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ОТДЕЛЬНО ОГОВАРИВАЕМЫХ СЛУЧАЕВ».

«Да пошли вы!» – подумала Андерсон. Скорее на улицу – и гнать машину на всей скорости до самого дома, а там как следует выпить. И выкурить сигаретку. Нет, две. А вообще, лучше сразу три.

Откуда-то слева донеслось озлобленное шипение. Андерсон повернулась и увидела кошку, будто сошедшую с плаката-страшилки ко дню Хэллоуина. Черная, не считая белого кончика хвоста, зверюга вдавилась в дальнюю стенку сумки-переноски: спина дугой, шерсть – торчащие в разные стороны клочья, зеленые, неестественно блестящие глаза так и буравят Питера, не мигая; розовая пасть широко разинута, зубы оскалены.

– Женщина, уберите своего пса, – проговорила кошатница ледяным голосом. – Блэки их недолюбливает.

Позже Бобби жалела, что не выразила всей глубины своего равнодушия к этому факту, пусть Блэки там хоть на губной гармошке играет при помощи заднего выхлопного отверстия... Жаль, столь изысканно уместные, хотя и немного витиеватые выражения редко приходили в голову вовремя. Вот герои ее романов не лезли за словом в карман; Боб-

би даже не напрягалась, чтобы вложить в их уста достойный хлесткий ответ, все получалось как-то само собой. К сожалению, жизнь – это не роман.

– Помолчали бы, – малодушно пробормотала она себе под нос, так что кошатница при всем желании не смогла бы ее расслышать, а сама продолжала тянуть упирающегося Питера за поводок... Ох, как ее бесили хозяева, которые вот таким же образом обращались на улице со своими собаками!

Пит начал задыхаться и кашлять, высунув язык, с которого бежала слюна; но теперь его внимание привлёк боксер с гипсом на правой передней лапе. Хозяин – здоровяк в синем рабочем комбинезоне механика – обеими руками тянул к себе пса за поводок, дважды намотанный на кулак с пятнами от машинного масла, – и еле-еле справлялся с питомцем, которому ничего не стоило разделаться с Питером еще быстрее, чем тот разорвал бы шпича. Боксер неудержимо рвался вперед, позабыв о больной лапе. Уж лучше бы хозяин сам ухватил его за загривок. Потрепанный поводок совершенно не внушал доверия.

Бобби казалось, что она возится с ручкой двери целую вечность. Это как в ночном кошмаре, знаете: когда руки заняты, а штаны вдруг медленно, неумолимо начинают сползать.

«Это все из-за Питера. Черт знает почему».

Наконец ручка повернулась, и Андерсон бросила короткий прощальный взгляд назад. В коридоре творилось

невесть что. Миссис Алден оказывала «мамуле» первую медицинскую помощь, в которой та явно нуждалась: бегущая струями кровь успела запачкать и желтые слаксы, и белые туфли. Кошка Блэки еще шипела. С ума посходили даже мыши-песчанки доктора Эйзериджа, обитавшие в пластиковом лабиринте из труб и башенок на стеллаже у дальней стены. Эрик, он же Отчаянный Шпиц, стоял на задних лапах, натянув поводок, и хрипло тьявкал на Питера. Бигль ответил глухим рычанием.

Андерсон бросила мимолетный взгляд на полоза в сумке у девочки; тот сделал стойку подобно кобре, неотрывно смотрел на Питера и, разинув пасть без клыков, угрожающе коллол воздух узким розовым языком.

«Полозы никогда так не делают. Я ни разу в жизни такого не видела».

Поняв, что близка к настоящему ужасу, Бобби ударилась в бегство.

4

Стоило двери закрыться у них за спиной, как Питер начал приходить в чувство. Он уже не кашлял, не сопротивлялся, а просто шел рядом, искоса поглядывая на хозяйку, словно хотел сказать: «Не нравится мне эта удавка на шее и никогда не понравится, но раз ты так хочешь – пожалуйста, пожалуйста».

К тому времени как они оказались в кабине пикапа, он уже был прежним.

А вот Бобби – нет.

Руки дрожали так сильно, что она только с третьего раза вставила ключ зажигания, неудачно его повернула и заглушила мотор. «Шевроле» резко дернуло, и Питер вывалился из кресла на пол, после чего смерил хозяйку фирменным упрекающим взглядом (вообще-то все псы мастера на такие взгляды, но у его породы страдальческое выражение получается особенно хорошо), словно хотел спросить: «Так откуда, говоришь, у тебя права, Бобби? Заказала почтой по каталогу?» Потом он полез обратно. Бобби уже и не верилось, что каких-нибудь пять минут назад Питер глухо рычал и лаял, словно чужая дурно воспитанная собака, и был готов растерзать все, что движется, и так смотрел, будто... Бобби не стала заканчивать эту мысль, поспешив выбросить ее из головы.

Со второго раза мотор завелся, и машина благополучно покинула парковку. Проезжая мимо здания с аккуратной табличкой «ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА ОГАСТЫ», Бобби опустила стекло. До нее донеслось вполне мирное тьякванье. Ничего особенного.

Похоже, хаос прекратился.

И, кстати, не только в клинике. Бобби была почти уверена: ее «критические дни» тоже успели закончиться.

Ну и скатертью им дорожка, как говорится.

Бобби не собиралась ждать обещанной себе выпивки до конца поездки. Сразу же за границей Огасты расположилась придорожная закусочная с очаровательной вывеской «Большой потерянный уик-энд, бар и гриль (попробуйте наше фирменное блюдо: потрясающее мясо на ребрышках)».

Андерсон втиснулась между старым универсалом и трактором «Джон Дир» с грязной бороной зубьями кверху. Чуть поодаль стоял большой старый «бьюик» с фургоном для лошадей на прицепе, от которого Бобби предпочла держаться подальше.

– Жди здесь, – приказала она.

Свернувшийся на сиденье пес ответил взглядом, как бы говорящим: «Охота за тобой таскаться, чтобы ты снова душила меня этой глупой веревкой!»

В «Большом потерянном уик-энде» было сумрачно и почти безлюдно: все-таки близился только вечер среды. Танцплощадка напоминала пустую пещеру, в глубине которой что-то поблескивало. Пахло прокисшим пивом. Бармен, он же и продавец, подошел к ней и произнес:

– Мое почтение, красотка. Сегодня у нас в меню...

– Я буду «Катти Сарк», – перебила она. – Двойную порцию. И воды.

– Вы всегда пьете, как мужчина?

– Нет, обычно я пью из стакана.

Дурацкая шутка. Все это из-за усталости. Бобби выжата как лимон. Она поспешила в дамскую комнату, чтобы сменить использованный тампон на простую мини-прокладку – так, на всякий случай, пусть будет. К счастью, прокладка действительно оказалась нужна только «на всякий случай». Уф, можно отдыхать целый месяц.

Андерсон вернулась за столик уже в лучшем расположении духа, а осушив половину порции, еще немного оттаяла.

– Эй, вы только не обижайтесь, – извинился бармен. – Здесь очень пустынно в такие дни, так что радуешься каждому новому лицу. Вот у меня и развязался язык...

– Сама виновата, – отмахнулась Андресон. – Просто неудачный выдался день.

И, прикончив напиток, вздохнула.

– Налить вам еще, мисс?

«Уж лучше бы продолжал звать красоткой...»

Она отрицательно покачала головой.

– А вот молока принесите. Иначе к вечеру у меня изжога начнется.

Бармен принес молока. Бобби пригубила стакан, размышляя о том, что случилось в ветеринарной клинике. На ум пришел быстрый и простой ответ: «Я не знаю».

Зато Бобби помнила, что произошло, пока они с Питером ждали очереди на прием. Ровным счетом ничего. Ее разум уцепился за эту мысль. А ведь посетителей там си-

дело не меньше, чем после, когда случился этот хаос и Пита пришлось насильно тащить к выходу. Конечно, там не было тихо: все-таки клиника – не библиотека, туда приводят животных самых разных пород, многие из которых в природе не выносят друг друга, – но шум стоял в пределах приличий. Под влиянием выпивки Бобби вспомнился хозяин боксера, мужчина в комбинезоне механика. Боксер просто посмотрел на Питера. Тот ответил кротким взглядом. Ничего особенного.

Ну и какие выводы?

«Какие-какие... Допивай свое молоко, вали домой и забудь обо всем».

Хорошо. А как насчет той штуки в лесу? Про нее тоже надо забыть?

Вместо ответа в голове зазвучал голос дедушки: «Кстати, Бобби, а как эта хреновина действует *на тебя*? Ты хоть задумывалась над этим?»

Нет.

О, а теперь задумалась... И сразу же захотела выпить еще. Но стоит поддаться порыву, и она захмелеет. И это большой вопрос, хочется ли Бобби хмелеть в одиночестве, ближе к вечеру, в этом огромном сарае, дожидаясь, пока кто-нибудь (может, даже сам бармен) подкатит и спросит, что же делает столь прелестное место вокруг такой девушки...

Оставив на стойке пятерку и попрощавшись, она пошла к выходу, но по дороге заметила телефон-автомат. Это ни-

чего, что от грязной, засаленной будки разило старым бурбоном. Андерсон опустила монетку и, прижимая трубку к уху плечом, отыскала в «Желтых страницах» номер клиники Эйзериджа. Миссис Алден ответила ровным тоном. Где-то на заднем фоне слышался лай собаки. *Одной* собаки.

– Не хотела, чтобы вы считали меня нечестной клиенткой, – объяснилась Бобби. – Я заплачу, а ошейник вышлю вам завтра по почте.

– Не волнуйтесь, мисс Андерсон, мы столько лет вас знаем, что не стали бы беспокоиться. А насчет поводков – так у нас их тут целый шкаф.

– Шумновато сегодня было, да?

– Ой, и не говорите! К миссис Перкинс пришлось вызывать врача. Ей наложили несколько швов... Хотя, по-моему, она довольно легко отделалась, и вообще-то люди с такими проблемами обычно сами добираются до больницы. – Миссис Алден доверительно понизила голос. – Слава богу, ее покусала своя же собака. Дамочки такого сорта готовы таскать людей по судам из-за всякого пустяка.

– А вы случайно не знаете, что могло стать причиной?

– Не знаю, и доктор Эйзеридж тоже не представляет. После дождя было душно... Хотя... Доктор Эйзеридж вроде бы слышал об одном схожем случае на выездном конвенте. Калифорнийский ветеринар рассказывал, как все животные в клинике разом «поддались заклятию бешенства» перед началом большого землетрясения.

– Серьезно?

– В прошлом году в Мэне было одно, – вздохнула миссис Алден. – Надеюсь, другого не будет. Да еще эта атомная станция неподалеку, в Уискассет, – как представляю, мороз по коже.

«Скажите об этом Гарду», – мысленно усмехнулась Бобби. И, поблагодарив, повесила трубку.

А потом вернулась к машине. Питер спал. Когда Бобби залезла в кабину, он приоткрыл глаза, но тут же снова закрыл их и продолжал лежать, положив морду на лапы. Явно помолодевшей мордой, судя по исчезающей седине.

«Кстати, Бобби, а как эта штука действует на тебя?»

«Помолчи, дедушка».

Приехав домой, она выпила еще одну порцию виски, разбавленного, прежде чем зашла в ванную и замерла перед зеркалом. Бобби долго изучала собственное лицо, потом наконец решилась провести пальцами по волосам. Даже приподняла пару прядок – и отпустила.

Седина никуда не исчезла, осталась на месте – вся до последнего волоска. Вроде бы.

Бобби никогда не подумала бы, что будет настолько рада видеть эти тонкие белые нити. Но она им обрадовалась. Почти.

Ближе к вечеру небо на западе затянуло тучами, и с наступлением сумерек разразилась гроза. Похоже, ливни вернулись – как минимум еще на одну ночь. Значит, Питера снова будет не выгнать на улицу, разве что ему очень сильно приспичит. Грозы пес ужасно боялся еще с щенячьего возраста.

Андерсон сидела перед окном в кресле-качалке, и со стороны могло показаться, будто бы она читает. На самом деле Бобби мучилась... мучилась над унылым очерком о Гражданской войне. Сухой, точно пыль под кроватью, он еще пригодится в случае, если вдруг грянет новая война. Что, кстати, может произойти в любой момент.

С каждым раскатом грома Питер еще чуть-чуть придвигался к хозяйке, изображая на морде несколько виноватую ухмылку. Да, мол, знаю-знаю, эти глупости неопасны; я просто подсяду ближе, ладно? А если по-настоящему грохнет, стоню тебя к чертям собачьим с этого кресла, что скажешь? Ты ведь не против, Бобби?

Гроза усилилась к девяти часам вечера; к тому времени Андерсон была уже твердо уверена: ночью им мало не покажется. «Да уж, льет как из ведра», – подумала Бобби. Пришлось идти на кухню за газовой лампой и искать в кладовке. Пес поплелся следом, поджимая хвост и не расставаясь с

виноватой ухмылкой. Хозяйка чуть не споткнулась об него на выходе.

– Дорогу, Питер.

Тот немного подвинулся... но тут же бросился прямо к ее ногам, испугавшись ужасного громового раската, от которого задрожали оконные стекла. Когда Андерсон вернулась к креслу-качалке, комнату заливали голубоватые вспышки. За окном шумели и вздыхали деревья под сильным ветром.

Питер уселся у самого кресла и поднял на хозяйку выразительный умоляющий взгляд.

– Ну ладно, – вздохнула она. – Иди сюда, размазня.

Пса не пришлось просить дважды. Он резво вскочил к ней на колени, больно дав лапой под дых. Питер всегда попадал или туда, или по груди. Не то чтобы специально целился – так уж получалось. Это одна из загадок Вселенной – ну, вы знаете, из серии: почему, когда вы страшно спешите, лифт непременно останавливается на каждом этаже? Если и можно было как-нибудь уберечься от этих ударов, то Бобби Андерсон еще только предстояло это выяснить.

Гром расколол небеса. Пес прижался к хозяйке вплотную. Его запах марки «одековонь» ударил прямо в нос.

– Давай, осталось только мне в горло вцепиться, и дело с концом!

Питер в который раз виновато осклабился, точно говоря: «Сам знаю, могла бы и промолчать».

Вой ветра звучал все громче. Лампочки уже начинали

мерцать. Верный знак: скоро Роберта Андерсон и система электроснабжения помашут друг другу ручкой. Часов до трех-четырёх утра как минимум. Бобби отложила очерк в сторону и обняла своего любимца. На самом деле она ничего не имела против редких летних гроз, да и зимних метелей тоже. Ей нравилось ощущать их мощь, наблюдать и слушать, как действуют могущественные силы природы – грубо, слепо, уверенно, с неким безрассудным состраданием к земле. Те же самые стихийные силы словно заряжали ее энергией, заставляли шевелиться волоски на руках и затылке при каждой особенно яркой вспышке...

Как-то раз между Бобби и Джимом Гарденером произошел один очень странный разговор. В голове у Гарда была стальная пластина, пожизненное напоминание о несчастном случае во время лыжной прогулки, чуть не убившем его в возрасте восемнадцати лет. Так вот однажды, меняя лампочку, он по неосторожности угодил указательным пальцем в патрон и получил весьма ощутимый удар током. В принципе, это было предсказуемо, а вот последствия – нет. Всю неделю потом он слышал музыку, выпуски новостей и рекламу прямо у себя в голове. Гард признался, что очень боялся тогда сойти с ума. На четвертый день ему даже удалось разобрать позывные передающей станции, одной из бангорских, вещающих на средних волнах. Джим записал названия трех песен, прозвучавших друг за другом, и позвонил узнать, действительно ли их передавали в это время (плюс рекламу по-

линезийского ресторанчика «У Синга», автомобилей «виллидж субару» и музея птиц в Бар-Харбор). Оказалось, передавали.

На пятый день, по его рассказам, сигнал стал слабее, а через двое суток и вовсе пропал.

«Это все из-за дурацкой железки, – посетовал Гард, легонько стукнув кулаком по шраму на левом виске. – Даже не сомневаюсь. Ясное дело, тысячи людей надо мной бы сейчас посмеялись, но я абсолютно уверен».

Услышав подобную байку от кого-то другого, Бобби решила бы, что над ней подшутили. Но это был Джим: достаточно посмотреть ему в глаза – и вы бы тоже все поняли.

Большие бури несут в себе большую силу...

Полыхнувшая молния залила комнату голубоватым сиянием, оборвав все мысли. Бобби увидела в окне машину с первыми каплями дождя на лобовом стекле, короткую грязную подъездную дорожку, почтовый ящик с опущенным и надежно прикрепленным к алюминиевой стенке флажком, и деревья, гнущиеся под ветром. Спустя мгновение раздался и гром. Питер подскочил, жалобно скуля. И тут отключился свет. Без прелюдий, мерцаний... Просто взял и отключился. Сразу повсюду.

Андерсон потянулась за фонарем – и вдруг замерла.

На дальней стене, по правую сторону от уэльского комода дядюшки Фрэнка светилось зеленое пятно. Оно подпрыгнуло на два дюйма, двинулось вправо, влево, на миг исчезло,

ПОТОМ ВОЗНИКЛО СНОВА.

Ночной кошмар вернулся в виде жуткого дежавю. Вспомнилась лампа из рассказа Эдгара По, и почему-то в связи с другой книгой – с «Войной миров» Уэллса. Или даже так: с марсианскими тепловыми лучами, что сеяли смерть по всему Хаммерсмиуту.

Бобби медленно (так что шея хрустнула, будто дверь на несмазанных петлях) повернулась к псу, уже догадываясь, что она там увидит. Свет струился из глаза Питера. Из левого. Тот просто сочился колдовским зеленым сиянием, вроде огней святого Эльма, которые плавают над болотной трясинной после удушливых дней.

Даже нет... Светился не глаз. Катаракта... Точнее, ее остатки. Она заметно уменьшилась со времени утреннего визита в клинику. Зато теперь левая часть морды излучала зеленоватое свечение, и пес напоминал какого-то монстра из комиксов.

Первым порывом хозяйки было скинуть его с колен и удариться в бегство...

Но ведь это же *Питер*, в конце концов. А он и так перепуган до полусмерти. Брось его – вообще придет в ужас.

Кромешная тьма взорвалась громовым раскатом. На этот раз подпрыгнули оба. А потом хлынул ливень – нескончаемым шумным потоком. Андерсон снова обернулась к стене, где продолжал качаться и плавать зеленый блик. Когда-то в детстве Бобби, лежа в постели, подолгу играла с наручным

«Таймексом», заставляя похожие отсветы от экрана плясать по комнате.

«И кстати, Бобби, что эта штука творит *стобой?*»

Потаенный зеленый огонь в глазу Питера уничтожает его катаракту. Пожирает ее. Бобби повернулась обратно и чуть было не передернулась, когда Питер лизнул ей руку.

В ту ночь она долго лежала без сна.

Глава 4

Раскопки продолжаются

1

Когда Бобби наконец-то проснулась, на часах было около десяти. По всему дому горел свет – значит, подсуетились-таки на местной подстанции. Андерсон прошлась по комнатам в носках, выключая лампы, а потом выглянула в окно. Питер сидел на пороге. Она впустила его и первым делом осмотрела глаз. Кошмар, пережитый ночью, еще не забылся, но в ярком свете летнего утра он уступил место приятному изумлению. Да кто угодно бы испугался, увидев что-то подобное в темном доме без электричества, во время бушующей за окном грозы.

Да, но почему Эйзеридж ничего не заметил?

Ну, это просто. Светящийся циферблат на часах светится и днем, но видно его только ночью. Бобби слегка недоумевала, как это ей самой удалось не заметить сияния в предыдущие вечера... И даже не обратить внимания на уменьшение катаракты. И все же Эйзеридж осматривал пса очень тщательно. Разве нет? И он заглядывал Питеру в глаз при помощи старого офтальмоскопа. На уменьшение катаракты он

указал, а вот о свечении умолчал почему-то.

Может, увидел, да только решил «разведеть»? Предпочел же доктор закрыть глаза на заметное омоложение своего пациента...

Не нравился Бобби этот новый ветеринар, очень не нравился. Возможно, из-за сильной симпатии к его предшественнику, которая привела к неизбежному, хотя и довольно нелепому заблуждению, что доктор Даггет будет всегда рядом, пока жив Питер. Но не глупо ли из-за этого подозревать новичка в некомпетентности? Даже если он не увидел (или не захотел увидеть) явное исцеление пораженного глаза, он все же кажется безупречным специалистом.

Между тем катаракта светилась зеленым... Не мог же Эйзеридж не заметить! Отсюда вывод: ветеринару *ничего* было видеть. По крайней мере, на тот момент. Ведь шум в приемной тоже поднялся не сразу, правда? Не во время сидения в очереди. Не во время приема. Только тогда, когда они собирались на выход. Что, если свечение появилось именно в ту минуту?

Бобби насыпала в миску гранулы «Грейви трейн» и встала у мойки, ожидая, пока пойдет вода потеплее. Ждать приходилось с каждым разом все дольше. Нагреватель работал медленно, чаще упрямылся и, к сожалению, тоже не молодец. Бобби давно собиралась его заменить, – тем более что на носу зима, – однако единственный водопроводчик в Хейвене и окрестностях показал себя крайне противным типом. Дел-

берт Чайлз, так его звали, вечно пялился на нее, словно на голую (причем в глазах читалось: «Я, разумеется, не впечатлен, но на худой конец и ты сгодишься»). А еще он каждый раз любопытствовал, пишет ли Андерсон «свои новые книжки». Любил ввернуть в разговор, что и сам стал бы недурным писателем, «если бы не шило в одном месте, ну, вы понимаете?». В последний раз, когда пришлось прибегнуть к его услугам (трубы лопнули на двадцатиградусном морозе), он, едва управившись, предложил клиентке «куда-нибудь прошвырнуться». Та вежливо отказалась. В ответ Чайлз подмигнул ей с видом многоопытного мужа, взирающего на невинную простоту. «Эх, малышка, знала бы ты, что теряешь!»

«Прекрасно знаю, потому и отказываюсь», – чуть было не сорвалось с ее губ. Но Бобби вовремя прикусила язык, понимая, что Чайлз еще не единожды ей понадобится. Ну вот, почему отменные остроты приходят на ум немедленно именно в тех ситуациях, когда ими нельзя воспользоваться?

«Ты кое-что можешь сделать с этим нагревателем», – прозвучало у нее в голове. Голос был незнакомым. Какой-то чужак вломился в мысли? Ох ты... чтоб ей провалиться, не вызвать ли копов? «Да можешь же, – не унимался голос. – Для этого надо всего лишь...»

Но тут вода потеплела. Забыв о нагревателе, Бобби размешала подливу и позвала Питера есть. В последнее время его аппетит заметно улучшился.

Надо бы зубы ему проверить, подумала вдруг хозяйка.

Может, пора возвращаться к «Гейнз мил»? Лишние деньги на дороге не валяются, да и американская читательская публика не ломится валом к твоим дверям, да, малышка? Но...

Но когда же началась та неразбериха в ветклинике?

Андерсон попыталась вспомнить все до мельчайших подробностей. Она не дала бы руку на отсечение, но тем не менее уверенность возрастала с каждой минутой: да-да, пожалуй, все началось сразу после того, как доктор Эйзеридж окончил осмотр и убрал свой офтальмоскоп.

«Обратите внимание, Ватсон, – внезапно затараторил в голове настойчивый голос Шерлока Холмса в исполнении Бэзила Рэтбоуна. – Глаз у собаки светится. Но... не весь глаз, одна катаракта. Андерсон этого не замечает, хотя могла бы. Эйзеридж тоже не замечает, хотя уж он-то обязан. Допустим теперь, что животные в клинике не бесились, пока катаракта не начала светиться... Другими словами (рассуждая чисто теоретически), пока не возобновился процесс исцеления. Предположим. А что, если сияние намеренно исчезает в определенных ситуациях, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания? Ах, Ватсон, какое безосновательное и пугающее допущение! Ведь это значит, что у зеленого света есть...

Есть что-то вроде разума».

Такой ход мыслей Бобби совсем не устраивал, и она отсекла их привычным, давно проверенным способом: посоветовала себе обо всем забыть.

Способ сработал и в этот раз.
Временно.

2

Андерсон захотелось пойти и продолжить раскопки.
Сознанию эта мысль пришла не по нраву.

Решительно.

«Оставь эту штуку, Бобби. Она опасна».

Это точно.

«И кстати, как она действует на *тебя*?»

Да ничего такого пока не заметно. Однако влияние сигарет на легкие тоже не видно, иначе никто не курил бы. А вдруг у нее уже загнивает печень, или сердечные камеры сплошь забиты холестерином, или она уже бесплодна? Откуда Бобби знать: может, прямо сейчас ее костный мозг с бешеной скоростью вырабатывает лишние лейкоциты. Только ли месячные пришли пораньше, или вместе с ними пришло что-то поинтереснее – лейкоemia, к примеру?

И все равно ее тянуло копать.

Этот простой, неконтролируемый порыв не имел отношения к деятельности сознания, но, судя по многим признакам, исходил от самого тела: так оно иногда настоятельно требует соли, крепкого кофе, сигарет или героина. На стороне сознания – логика, в то время как здесь – неистребимое желание: «Иди копать, Бобби, да все нормально, подумаешь, покопа-

ешь немного, ерунда, тебе ведь хочется выяснить, что там, и ты это знаешь, так почему бы не покопаться в земле еще, пока не разберешься в этом вопросе, копай, копай, копай...»

Андерсон, конечно, могла усилием воли отключить этот голос... Но спустя пятнадцать минут уже снова внимала ему, словно дельфийскому оракулу.

«Ты должна с кем-то поделиться, Бобби».

«С кем? В полицию обратиться, что ли? Ха-ха. Ни за что. Или...»

Что «или»?

В это время Бобби была в саду и рьяно пропалывала грядки... чувствуя себя наркоманом в период ломки.

«Или к любимым другим представителям власти», – закончил голос.

Правое полушарие отозвалось саркастическим смехом Энн, чего и следовало ожидать. Как и многие люди ее поколения, Андерсон не питала доверия к представителям власти. В их способности решать проблемы она разубедилась еще в возрасте двенадцати лет. Дело было в Ютике; Бобби сидела на диванчике между мамой и Энн, жевала гамбургер и наблюдала, как полицейские Далласа сопровождают Ли Харви Освальда к подземной парковке. Копов, этих типичнейших «представителей власти», было ну очень много. Столько, что, когда Освальда кто-то застрелил на их глазах, диктор новостей поведал об этом с искренним изумлением: дескать, неужели что-то пошло не так? Он даже поверить не

мог. Но ведь пошло же.

Бравые полисмены Далласа постарались на славу, охраняя Освальда и Джона Ф. Кеннеди. Два года спустя – очевидно, в качестве реванша – их послали усмирять межрасовые разборки, а потом воевать во Вьетнаме. Затем, через десять лет после выстрела в Кеннеди, – решать проблему нефтяного эмбарго, вести переговоры об освобождении американских заложников в Тегеранском посольстве, и наконец, когда стало ясно, что молодчикам наплевать на доводы власти и разума, Джимми Картер велел копам силой выволочь бедолаг. Неужели эти «защитники закона», в свое время с таким хладнокровием и апломбом «уладившие дело» осады Кентского университета¹¹, не могли нормально исполнить свою рутинную «невыполнимую миссию»? Ладно, допустим, не повезло парням, но, в общем и целом, они же как-то справлялись с работой? О да. Достаточно посмотреть, как надежен и безопасен стал этот чертов мир с тех пор, как мужчина в драной рубашке, с редеющей, блестящей от тоника шевелюрой и остатками жира от купленных в «Макдоналдсе» окорчков под ногтями разнес мозги президенту на заднем сиденье «кадиллака», катящего по улице Далласа.

¹¹ Расстрел 4 мая 1970 года Национальной гвардией штата Огайо студентов Кентского университета, которые после вторжения американских войск в Камбоджу устроили массовые акции протеста на территории университетского городка. Четверо студентов были убиты и девять получили ранения. Позднее Президентская комиссия по расследованию беспорядков в университетах признала действия Национальной гвардии незаконными и «непростительными».

«Я расскажу обо всем Джиму Гарденеру. Когда он вернется. Гард разберется, как поступить. Хоть что-нибудь дельное, да придумает».

«Отлично, – съехидничала Энн. – Иди за советом к лунатику».

«Он не лунатик. Просто немного не в себе».

«Ну конечно. Когда во время последней демонстрации в Сибруке¹² Джима задержала полиция, при нем был рюкзак, а внутри – заряженный «кольт» сорок пятого калибра. Немного не в себе, говоришь?»

«Отвали, Энн».

И Бобби продолжала полоть – все утро, на самой жаре. Футболка на спине насквозь промокла от пота. Шляпа, обычно хорошо защищавшая лицо от палящих лучей, так и осталась висеть на прошлогоднем пугале.

После ленча Бобби решила прилечь, но задремать не смогла. В голове беспрестанно спорили голоса – в том числе и тот, незнакомый. «Копай, Бобби, все обойдется, копай!»

Наконец она поднялась и, захватив с собой лом, заступ и

¹² АЭС в Сибруке, штат Нью-Хэмпшир. Строительство АЭС «Сибрук» было завершено на десять лет позже ожидаемого срока и обошлось в семь миллиардов долларов. Огромный долг привел к банкротству главного владельца, «Компании коммунальных услуг Нью-Хэмпшира». За восемь лет до начала строительства АЭС местные жители проголосовали против. Разочарованные своей неудачей, они вдохновились успехом крупного антиядерного пикета в Виле (Германия). 1 августа 1976 года более 600 протестующих пикетировали место строительства АЭС. В мае 1977 года их было уже более двух тысяч. 1414 протестующих были задержаны и находились под арестом две недели.

лопату, отправилась в лес. На дальнем от дома конце поля она постояла, нахмурившись, а затем повернула обратно к пикапу. Питер сидел на крыльце. Он только взглянул на хозяйку, но даже не сделал попытки пойти за ней. Андерсон этому не особенно удивилась.

3

Наверное, двадцать минут Бобби простояла на склоне, глядя вниз на траншею, прокопанную (внутренне она уже не сомневалась) вокруг крошечного фрагмента инопланетного космического корабля. Прочный, гладкий, вполне осязаемый корпус – не вымысел, не «пар и сновидения». Вот он, перед глазами. Материальный, точно отвертка или гаечный ключ. Влажный лесной чернозем, отброшенный в сторону в прошлый раз, теперь побурел и блестит после ночного дождя.

Она начала спускаться... И тут под ногой что-то хрустнуло, точно смялась новая газета. Вот только это была не газета. Воробей. Мертвый. А футах в двадцати от него на спине лежала ворона, комично, словно в мультфильме, задрала лапы кверху. Андерсон замерла, оглядываясь вокруг. Ей удалось заметить еще трех птиц: другую ворону, голубую сойку и красно-черную пирангу. И ни единой ранки. Просто мертвы, и все. Ни мухи рядом.

Бобби пошла вперед и, бросив инструменты возле тран-

шей, спустилась вниз. Под подошвами ботинок громко чавкала грязь. Вот он, серый край, выступающий прямо из лужи.

«Что же ты такое?»

Она положила ладонь на металл. Дрожь проникла в руку, пробежала по всему телу и через мгновение стихла.

Бобби повернулась, чтобы взять лопату, гладкая деревянная ручка которой успела нагреться на солнце.

Между тем лес, казалось, лишился привычных, да и вообще любых звуков. Вокруг не свистели птицы, и животные не ломали сучья, удирая через подлесок подальше от человеческого запаха. Однако сознание Бобби лишь самым-самым краешком воспринимало неестественную тишь вокруг. Запахи ощущались куда отчетливее: земля, торф, хвоя, кора и древесные соки...

Голос откуда-то изнутри, уже не из правого полушария, а словно из самых сокровенных уголков разума, начал визжать от ужаса.

«Здесь творится неладное, Бобби, здесь что-то происходит, и прямо сейчас! Беги отсюда... Мертвый сурок, издохшие птицы... Бобби, пожалуйста, пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА!»

Рука крепче сжалась вокруг черенка лопаты. Все в точности как на рисунке в блокноте: это край чего-то гигантского, спрятанного глубоко под землей. Снова вернулись месячные; не страшно, она заранее поместила тампон куда нужно; до того как вышла на прополку. Версию «макси». А в рюкзака-

ке припасла еще с полдюжины – так ведь? Или больше дюжины? Она не помнила, да и какая разница? Где-то в глубине души она чувствовала, что в конце концов непременно окажется здесь, несмотря на все свои наивные притязания на «свободу» воли и разума... Но даже это уже не пугало. На Роберту снизошел сияющий, неземной покой. Пусть себе дохнут животные, птицы... Месячные заканчиваются и вновь начинаются, когда им угодно... Пусть она заблаговременно подготовилась идти туда, куда якобы не собиралась... Это мелочи, даже меньше, чем мелочи, – сущая чепуха. Она просто покопает немного, посмотрит, *что* там за дрянь из металла спрятана под землей... Ведь на самом-то деле все...

– Все путем, – проговорила Бобби среди неестественной тишины.

И принялась за работу.

Глава 5

Гарденер переживает падение

1

В то время как Бобби Андерсон обводила циркулем гигантские контуры неизвестно чего, а ее утомленный донельзя мозг выстраивал немыслимые догадки, Джим Гарденер занимался единственным делом, на которое был способен в последнее время. Все происходило в Бостоне. Двадцать пятого июня в местном университете прошли очередные поэтические чтения. Причем прошли, надо сказать, отлично. Двадцать шестого, согласно плану, устроили выходной. Тогда-то Джим и споткнулся... Хотя нет, это не совсем подходящий оборот, к сожалению. Что значит споткнуться? Скажем, задеть ногой корень в лесу и шлепнуться. А тут получилось долгое, бесконечно затянутое падение; это как сверзиться с лестницы и кувыркком лететь по ступеням, ломая кости. Ничего себе, «с лестницы»! Да он чуть не покинул землю!

Все началось в гостиничном номере, а закончилось на волнорезе возле пляжа в Аркадии, штат Нью-Хэмпшир, восемь дней спустя.

Как Бобби тянуло копать (хотя она и отвлеклась на время на разные глупости вроде осмотра Питера и его катаракты), так Гарда утром двадцать шестого вдруг неодолимо потянуло выпить.

Он прекрасно знал: полуалкоголиков не бывает. Ты или пьешь, или нет. В настоящее время Джим не прикладывался к бутылке, и его это устраивало. Но вообще-то и раньше случалось, что он целыми месяцами не вспоминал о спиртном. Время от времени Гард посещал собрания Общества (желательно каждые две недели, иначе его начинало снедать беспокойство; словно он за обедом опрокинул солонку, а соль за плечо не бросил), чтобы встать и сказать перед всеми: «Здравствуйте, меня зовут Джим, и я алкоголик». Но в те периоды, когда желание выпить совсем пропадало, он сам себе не верил. И не считал себя трезвенником. Гард мог даже выпить, но не бухать: скажем, опрокинуть пару коктейлей после пяти на вечеринке или корпоративе, не более того. Или позвонить Бобби Андерсон и сходить вместе с ней куда-нибудь пропустить пару рюмочек. Без излишеств. Легко.

А потом наступало утро вроде сегодняшнего – когда, проснувшись, Джим мечтал поглотить все горячее в мире. Это была не просто жажда. В такие дни ему вспоминались карикатуры Верджила Парча в «Сэтеди ивнинг пост», на которых небритый мужик ползет по пустыне со свешенным языком, озираясь в поисках источника воды. Когда нападало такое желание, Гарденеру оставалось одно – бороться, тер-

петь, пытаться преодолеть себя. Хорошо, если он оказывался в месте типа Бостона; тут можно было ходить на собрания – хоть каждые четыре часа, если нужно. Трое-четверо суток – и его отпускало...

Как правило.

Вот и в этот раз он надеялся перетерпеть. Отсидеться в номере, круглосуточно смотря фильмы по кабельному за счет гостиницы. Последние восемь лет после развода и увольнения из университета Джим занимался поэзией на полную ставку – другими словами, влился в ту субкультуру, где бартер порой был важнее денег.

Гарденер писал за еду. Как-то раз один фермер заказал ему поздравительный сонет для своей жены в честь ее именин, а взамен притащил три мешка картошки.

– Только, ты это, покруче там чего-нибудь нарифмуй, – предупредил заказчик, буравя Гарда холодным тяжелым взглядом. – Чтоб прямо по-настоящему забирало!

Джим хорошо понимал намеки, особенно если дело затрагивало интересы его желудка. В итоге он наводнил сонет настолько преувеличенными выражениями супружеских чувств, что сам хохотал во все горло, когда правил второй черновик. Потом набрал номер Бобби, и они посмеялись уже вдвоем. Вслух это было даже забавнее. Прямо как пылкое любовное признание от Доктора Сьюза¹³. Впрочем, Джим и

¹³ Сьюз Гейзель, или Доктор Сьюз (1904–1991) – один из самых популярных американских детских писателей, автор книг «Кот в шляпе», «Гринч – похити-

без замечаний Бобби знал, что не унизился до халтуры, сочинив эту, хоть и попсовую, но все-таки недурную вещь. В другой раз маленькое издательство в Уэст-Майнот согласилось опубликовать его поэтический сборник, а расплатилось дровами. Гарденер был не против. Это произошло в начале 1983 года; он отлично запомнил дату, потому что с тех пор ни единого сборника так и не выпустил.

– Надо было взять с них раза в полтора больше, – сказала ему в тот вечер Бобби, когда они вдвоем, покуривая, сидели у печи, грели ноги на железной решетке и слушали завывания ветра в саду и в поле. – Стихи-то ведь очень хорошие. И потом, их так много.

– Знаю, но я замерзал. А на этом как раз продержусь до весны. – Гарденер подмигнул. – Мне еще повезло, что эти чудики – из Коннектикута. Им ни за что не понять, какое фуфло я им на самом деле всучил!

Бобби округлила глаза и со стуком опустила ноги на пол.

– Да ладно?

– Честное слово.

Она захихикала, и Джим ее крепко поцеловал. Позже они заснули в обнимку. Правда, Гарденер быстро проснулся и долго лежал – слушал ветер, представлял себе, как темно и холодно за окном, наслаждался теплом и покоем их общей постели, укрытой парой стеганых одеял, и мечтал о том, чтобы это продлилась вечно. Но, разумеется, ничего не продли-

лось. Трудно сказать, почему бог, который, как говорят, есть любовь, ухитрился создать людей достаточно умными, чтобы летать на Луну, – и в то же время заставил их верить в наивные сказки вроде «потом они жили долго и счастливо».

Наутро Бобби опять пыталась всучить ему денег, а он, как обычно, не взял. Не то чтобы Джим в то время купался в золоте, но концы с концами сводил. И к тому же его немного взбесил ее прозаичный тон.

– Ты в курсе, кому обычно платят за ночь любви? – ухмыльнулся поэт.

Бобби приподняла подбородок.

– Кажется, ты назвал меня шлюхой?

Он продолжал скалить зубы.

– Хочешь, пойду к тебе в сутенеры? Говорят, они хорошо зашибают.

– Гард! Ты будешь завтракать или гадости говорить?

– Разве одно другому мешает?

– Мешает.

Она уже по-настоящему завелась; Джиму сделалось не по себе. Как так? Только что все было легко и прекрасно... «Разве она не видит, что я шучу? – подумал он, заключая Бобби в объятия. – Всегда понимала, а тут вдруг...» Но она, конечно, не видела. Потому что Джим не шутил. Кого он пытается обмануть? Подружка поставила его в неловкое положение; Гард *хотел* ее уколоть побольнее. А ведь на самом деле, глупостью было не столько ее предложение, сколько его

непонятный гнев. Чего же смущаться, если он сам себе выбрал такую жизнь?

Нет, Джим вовсе не думал отталкивать от себя Бобби. В постели с ней было классно, но даже не это главное. Главное, что они друзья; а в последнее время с Гардом и так творилось неладное: его близкий круг общения очень быстро сужался. Пугающе быстро.

«Это друзья разбежались в разные стороны? Или ты сам разогнал их, а, Гард?»

Обнимать Бобби в таком состоянии было все равно, что прижимать к себе гладильную доску. Еще немного – и подружка начнет вырываться, а Джим попытается удержать ее, и это станет последней ошибкой... Но она потихоньку смягчилась.

– Хочу завтракать, – сказал Гард. – И еще хочу извиниться.

– Ладно. – Андерсон отвернулась, не желая показывать глаза; судя по дрожащему голосу, она была готова расплакаться. – Вечно забываю, что предлагать деньги янки – признак дурного тона.

Джим бы не поручился, что это так; однако денег у Бобби он никогда не возьмет. Не брал и не собирается.

Другое дело – проехаться с «Поэтическим караваном».

«Смотри не упусти добычу, сынок, – сказал бы Рон Каммингс, нуждавшийся в деньгах не больше, чем папа римский – в какой-нибудь новой шляпе. – Раз эта жирная сучка сама

идет к тебе в руки – хватай!»

«Поэтический караван Новой Англии» приносил наличные. Три сотни вперед и три сотни – по окончании. Купюры в обмен на грезы. «И слово стало плотью», если можно так выразиться. Но даже наличные – это еще цветочки.

Самое сладкое в этом деле – халява.

Во время турне открывается столько разных возможностей! Заказать еду прямо в номер, сделать стрижку в гостиничной парикмахерской или как-нибудь вечером выставить в коридор не повседневную обувь, а выходные ботинки (если такие имеются), чтобы их тоже отполировали до блеска.

Потом, опять же, фильмы. В кинотеатре он бы таких не увидел, там почему-то упорно требуют денег за то, что поэты, по мнению общества, просто обязаны делать бесплатно. Или за три мешка картошки за сонет (одну штуку). Конечно, фильмы в номер тоже приносили не за красивые глазки, но кого это волновало? Все записывалось на общий счет – автоматически, при помощи какого-то продвинутого компьютера. Гарденеру лишь оставалось благодарить небеса за халяву и отрываться по полной. Он посмотрел все, что смог достать: от «Эммануэль в Нью-Йорке» (сцена в манхэттенском ресторане, где героиня тискает под столом своего друга, показалась ему верхом искусства: у Джима сразу же поднялось настроение) до «Индианы Джонса и Храма судьбы» и мультика «Яркая радуга и похитительница звезд».

«Да, вот этим я сейчас и займусь, – думал он, потирая шею

и мечтая о виски хорошей выдержки. – *Именно* этим. Пере-
смотрим их заново, даже «Яркую радугу». Потом закажу три
чизбургера с беконом. Один съем холодным, около трех. Ну
ладно, «Яркую радугу» можно и пропустить, лучше прикур-
нуть ненадолго. Вечером из номера выходить не буду. Спать
лягу рано. Вот так и перекантуюсь».

Бобби Андерсон, гуляя по лесу, споткнулась о трехдюй-
мовый кусок металла, торчавший из земли.

Для Джима Гарденера камнем преткновения стал Рон
Каммингс.

Разные ситуации – результат один.

«Оттого, что в кузнице не было гвоздя...»

Рон заглянул в тот же вечер, когда примерно за двести де-
сять миль от Бостона Андерсон с Питером наконец-то вер-
нулись домой после более чем необычного визита к ветери-
нару. Каммингс предложил сойти в бар и выпить по стакану,
а то и по десять.

– Или так, – продолжал он с радостным возбуждением. –
Опускаем все эти прелюдии, сразу надираемся в хлам!

Вот если бы он сказал это чуть помягче, Гард еще бы смог
отказаться... Но вместо этого вскоре сидел у стойки, тянул
шикарный коньяк и тешил самого себя старой байкой о том,
что в любой момент может «завязать» – если только захочет.

Рон Каммингс... Хороший, серьезный поэт. При этом –
так уж распорядилась судьба – он разве что не испражнялся
деньгами. «Я – новый Медичи, – любил говорить людям Рон.

– Я разве что не испражняюсь деньгами».

Его предки вот уже лет девятьсот занимались текстилем; теперь им принадлежала львиная доля южного Нью-Хэмпшира. Рона они считали помешанным, но поскольку он имел счастье родиться вторым, а первенец был в своем уме (то есть интересовался текстилем), парню позволили заниматься чем душе угодно. Он и занимался: писал стихи, читал их и вечно ходил в стельку пьяным. Гарденер ни разу не видел, чтобы этот худощавый молодой человек с лицом телезвезды ел что-нибудь, кроме соленых орешков и крекеров. Надо заметить в защиту Рона: он и понятия не имел о проблемах Гарденера с алкоголем... например, о том, что Джим едва не прикончил свою жену, когда напился.

– Ладно, – махнул рукой Гарденер. – Надираться так надираться.

Пропустив еще несколько бокалов, Рон решил, что двум столь бравым парням не стоит киснуть под писклявую фоновую музычку, которая капала здесь из динамиков под толчком.

– Душа просит чего-то такого... – высказался он. – То есть я еще сам не знаю, но...

– Бог трусов не терпит, – вмешался Гард.

Рон ослабилась, хлопнул его по плечу и потребовал *обидный счет*. Поставил размашистую подпись, а потом – уже из личного кошелька – добавил щедрые чаевые.

– Гулять так гулять!

И они вышли на улицу. Солнечные лучи пронзительно били в глаза. Внезапно у Джима появилось дурное предчувствие.

– Рон, послушай, – начал он. – Я, наверное, лучше...

Каммингс хлопнул его по плечу. На его вечно бледных щеках теперь горел румянец, обычно затуманенные глаза ярко блестели – ни дать ни взять мистер Джабс, купивший себе очередную машину¹⁴.

– Только не надо сейчас вот этого, Джим! – взмолился Рон. – Весь Бостон с его возможностями лежит у наших ног, сверкая, как след от первой мальчишеской эякуляции...

Джим не удержался и закатился хохотом. Рон тоже приснул.

– Вот такого Гарденера мы все знаем и любим!

– Бог трусов не терпит, – ответил Джим. – Поймаешь для нас такси, Ронни?

И тут он заметил воронку в небе. Гигантскую, черную, наползающую... Еще немного – и Гарда унесет ураганом...

Жаль только, что не в страну Оз.

Такси подкатило к бордюру, и они залезли внутрь. Водитель спросил, куда ехать.

– В Оз, – буркнул Джим.

¹⁴ Мистер Джабс (Жабби) – герой сказочной повести шотландского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах». Богатый повеса, крайне увлекающаяся натура, мистер Джабс покупает себе автомобиль. Но, став фанатом быстрой езды, он разбивает его, а потом один за другим приобретает новые – после каждой очередной аварии.

Рон хохотнул.

– Он хотел сказать, куда-нибудь, где быстро напиваются и еще быстрее танцуют. Найдешь нам такое местечко?

– Отчего не найти, – отозвался таксист, и машина тронулась.

Гарденер обнял приятеля за плечи, воскликнув:

– Вперед, и с песнями!

– Отличный тост, – кивнул Рон.

2

На следующее утро Джим проснулся в ванне, полной холодной воды. Его лучшая выходная одежда (на свою беду, Гард был именно в ней, когда Рону вздумалось отправиться в свободное плавание) противно липла к коже. Пальцы побелели, точно рыбье филе, подушечки сморщились. Похоже, давно он сюда забрался. Может быть даже, вода поначалу была горячей. Джим этого не помнил.

Выбравшись и открыв отверстие стока, он заметил на туалетном сиденье бутылку бурбона. Полупустую, в каких-то масляных пятнах. Джим взял ее в руки, принюхался. От пятен едва уловимо пахло жареной курицей. Но аромат, исходивший из горлышка, был куда привлекательнее. Ох, не надо бы... Но бутылка стремительно стукнула его по зубам, и мысль осталась незаконченной. Гарденер выпил залпом. И отключился.

А когда пришел в себя, то стоял без одежды, с телефонной трубкой возле уха, и набирал чей-то номер. Он не имел представления чей... пока не услышал голос Рона. Судя по интонации, бедолага чувствовал себя еще более паршиво, хотя Гард мог поклясться, что это в принципе невозможно. Тут он как бы со стороны услышал собственные слова:

– Что вчера было?

И вот так каждый раз, когда его затягивает циклон. Даже в полном сознании (а Джим почти никогда не чувствовал себя в полном сознании) он воспринимал окружающую реальность немного серой и зернистой, точно снимок в газете. По большей же части – как бы парил над собственной головой, словно детский воздушный шарик.

– Много мы дел наворочали?

– Наворочали? – повторил Каммингс и замолчал.

Наверное, напрягал извилины. По крайней мере, Гарденер очень надеялся, что парень просто пытается вспомнить. Или наоборот – боялся этого. Руки противно похолодели.

– Да ничего мы не наворочали, – наконец выдал Каммингс, и Гарда слегка отпустило. – Вот только бедная моя голова! Как ей туго сейчас приходится! Ууужас!

– Точно ничего? Совсем ничего?

Вспомнилась Нора.

Внутри головы почему-то вдруг прозвучал голос помощника шерифа: «Жену ты подстрелил, вот что. Доволен, засранец?»

– Ну-ну... – нерешительно протянул Каммингс и замолчал. Гарденер так и впился пальцами в трубку.

– Что «ну»?

Почему вдруг стало так нестерпимо светло? Точно вчера на улице, когда они вдвоем покидали отель.

Значит, *что-то* он все-таки натворил. Снова отключился и выкинул какую-нибудь глупость. Большую. Ужасную. Когда он только научится держать себя под контролем? И вообще, научится ли?

Память подсунула диалог из старого фильма...

Злобный Эль Команданте: «Завтра, сеньор, вы умрете еще до рассвета! Вы видели солнце в последний раз!»

Храбрый американец: «Велика беда; а ты зато лысый, и останешься таким до конца дней!»

– Что? Что я там выкинул?

– Ввязался в какой-то спор в гриль-баре «Каменистая пустошь». – Каммингс хохотнул. – Ай! Господи! Уже и смеяться больно; кажется, я действительно перестарался... Джеймс, дорогой, ты хоть что-нибудь помнишь? Гриль-бар или этих козлов?

Гарденер сказал, что не помнит. Потом хорошенько поднатужил извилины. Мысленно увидел вывеску «Братьев Смит» со знаменитыми близнецами¹⁵ и солнце, ныряющее в кровавую лужу. Когда это было? Июнь близится к концу, значит... в половине девятого? или в четверть? В общем, ча-

¹⁵ Братья Смит – создатели леденцов от кашля.

сов через пять после того, как они с Роном пустились в свободное плавание. Еще вспоминался их яростный спор об Уоллесе Стивенсе¹⁶. Джиму приходилось напрягать горло, чтобы перекричать музыкальный автомат, грохочущий голосом Джона Фогерти¹⁷. На этом лента памяти резко оборвалась.

– Ну, там еще прямо над баром приклеили автомобильный стикер «Вэйлона Дженнинга¹⁸ в президенты», – подсказал Каммингс. – Теперь вспоминаешь?

– Нет, – промямлил Гарденер.

– В общем, ты с какими-то парнями поцапался. Слово за слово – сначала вы как следует разогрелись, потом раскалились. Дошло и до кулаков.

– Моих? – У Гарда совершенно упал голос.

– А чьих же, – радостно подтвердил Рон. – Тут мы оба красиво так пролетели по воздуху и приземлились на тротуар. Знаешь, сказать по правде, мы еще легко отделались. Они уже прямо копытом били!

– Что мы обсуждали – Чернобыль или Сибрук?

– Ага! Значит, помнишь?

– Если бы помнил, не уточнял бы.

– Собственно говоря, и то, и другое... – Каммингс замаял-

¹⁶ Уоллес Стивенс (1879–1955) – американский поэт-модернист.

¹⁷ Джон Кэмерон Фогерти (р. 1945) – американский певец, песенник и гитарист, более всего известный как лидер и автор большинства песен группы «Creedence Clearwater Revival».

¹⁸ Вэйлон Дженнингс (1937–2002) – американский певец, один из самых популярных исполнителей кантри XX века.

ся. – Ты как там, Гард? Что-то у тебя голос не очень.

«Да ладно, Рон. Я прямо летаю. Лечу с циклоном. По кругу, все выше, и выше, и выше, и вниз, и неизвестно, когда этому настанет конец».

– Я – отлично.

– Ну и хорошо. Надеюсь, ты в курсе, кого за это благодарить.

– Тебя, что ли?

– Ну а кого же? Дружище, я шлепнулся об асфальт, прямо как неумелый младенец с горки. Не видел еще свою задницу в зеркале, но готов поклясться, зрелище не для слабонервных. Совсем как плакат «Грейтфул дэд» шестьдесят девятого года. Но ты ведь еще собирался вернуться и потолковать о чернобыльских детях, которые все перемрут от лейкемии за пять ближайших лет. О каких-то парнях, что чуть не подняли на воздух весь Арканзас, разыскивая со свечкой в руках неисправность проводки на атомной электростанции. И вроде бы даже устроили небольшой пожар. Могу поспорить хоть на свои часы (а у меня ведь «Ролекс»), это ты про Сноупсов с Миссисипи¹⁹. Я тебя чудом в такси затащил; пришлось обещать, что мы непременно вернемся и поотрываем им головы. Потом долго заговаривал зубы, чтобы ты в номер поднялся. Я даже ванну набрал! Ты сказал, что уже очухался. Собирался немного поплавать и позвонить своему дружку по имени

¹⁹ Герои трилогии Уильяма Фолкнера о людях и судьбах американского Юга «Поселок» (1940), «Город» (1957), «Особняк» (1959).

Бобби...

– Это подружка, – рассеянно обронил Гарденер, потирая правый висок свободной рукой.

– Хорошенькая?

– Ничего, сойдет.

Голову вдруг пронзила странная, но очень четкая мысль: «Бобби в беде». Так запоздалый бильярдный шар с грохотом катится по зеленому игровому столу. И через мгновение проваливается в сетку.

3

Гарденер медленно подошел к стулу и опустился на него. Теперь уже он массировал оба виска. АЭС, вечно эти АЭС. А что еще? Если не Чернобыль, то Сибрук, не Сибрук – так Три-Майл-Айленд²⁰, или Мэн Янки в Вискассете²¹, или Хэнфордский комплекс²² и то, что могло бы остаться от штата

²⁰ Атомная электростанция, расположенная на острове на реке Саскуэханна в 16 км к югу от Гарисберга, штата Пенсильвания. 28 марта 1979 года на ней произошла авария, до сих пор считающаяся самой страшной ядерной аварией в США.

²¹ АЭС на полуострове Бейли, Вискассет, штат Мэн. Проработала с 1972 по 1996 год, когда возникшие проблемы потребовали слишком больших расходов. В конце концов АЭС была списана и демонтирована.

²² В настоящее время выведенный из эксплуатации комплекс по производству радиоактивных материалов, расположенный на берегу реки Колумбия, штат Вашингтон.

Вашингтон, если бы кто-то случайно не обнаружил сваленные в неогороженную канаву отработанные стержни, готовые взвиться к небу.

Сколько их было, таких вот случаев?

Топливные стержни, набросанные огромными саморазогревающимися кучами. Кого там пугало проклятие Тутанхамона? Погодите, ребята, пока археолог двадцать пятого века наткнется на одну из таких вот свалок атомного дерьма!

Гард, ты всего лишь пытался поведать о лжи, о наглой, бессовестной лжи. О том, что ядерная энергия в конце концов убьет миллионы людей, превратив гигантские пространства в бесплодные и непригодные для обитания. В ответ на тебя тарасились пустые глаза. Ты обращался к современникам, которые в течение многих лет избирали себе то одну, то другую администрацию и слушали ложь за ложью и даже ложь о лжи, а стоило какому-нибудь вранью раскрыться, вруны говорили: «Ой, извините, мы просто ошиблись», и электорат их по-христиански прощал. Ты все не мог поверить, черт побери, как много людей готовы так поступать, пока не вспомнил, что Ф. Т. Барнум писал о сверхъестественно высокой рождаемости простаков на белом свете²³. В ответ на истину люди, похлопав глазами, объявляли тебя последним жуликом, ибо американское правительство не способно врать,

²³ Финеас Тейлор Барнум (1810–1891) – американский шоумен, антрепренер, крупнейшая фигура американского шоу-бизнеса XIX века. Снискал широкую известность мистификациями, организовал цирк, названный его именем. «Каждую минуту рождается еще один простак» – таков был девиз этого человека.

иначе это была бы уже не Америка, и «Ох, отец, я не смолчу; да, это сделал я, и врать не стану ни за что, пусть хоть прибьют меня!»²⁴. Ты говорил, а на тебя пялились, будто на иностранца, лепечущего невесть что на своем наречии.

Восемь лет назад он чуть было не убил жену, а три года назад их с Бобби арестовали в Сибруке; ее – по общему обвинению, за участие в нелегальной демонстрации, а вот Гарденера уже с куда более серьезной формулировкой: «хранение личного огнестрельного оружия без лицензии». Все остальные вышли под залог. Джима продержали два месяца, и адвокат заявил, что ему еще повезло. Гард поинтересовался у него, каково это – прикуривать от бомбы, готовой взорваться в любую минуту. Тогда адвокат спросил, не угодно ли Джиму обратиться к хорошему психиатру. В ответ Джим послал его самого – и не к врачу, а немного дальше.

Впрочем, ему хватило здравого смысла не участвовать более ни в каких демонстрациях. Хотя бы на это – хватило, да. Обходить их за несколько миль, только бы не *отравиться* снова. Но стоило напиться, и разум (те жалкие остатки, что пощадил алкоголь) с навязчивой одержимостью возвращался к теме реакторов, отработанных стержней, захороненных контейнеров с отходами, а главное – к невозможности оста-

²⁴ Поэтически переосмысленная фраза из назидательной истории, якобы случившейся с Джорджем Вашингтоном в детские годы. Однажды Джордж, желая испробовать новый топорик, срубил любимую вишню отца. В ответ на расспросы своего батюшки он, как полагают, и произнес свою знаменитую фразу: «Я не умею лгать. Это я срубил вишню».

новить крушение этого мира, едва лишь тот покатится под откос.

Другими словами, к АЭС.

Стоило выпить, и сердце начинало саморазогреваться. АЭС, чертовы АЭС... А что, символично. Тут даже не надо быть Фрейдом, чтобы раскусить: на самом-то деле Гард протестует против реактора в собственном сердце. Что касается системы самоконтроля, она уже вышла из строя, и специалиста, отвечающего за нее, давно бы следовало уволить. Этот козел попросту сидел на рабочем месте, играясь с разными переключателями, и, похоже, не собирался успокаиваться, пока Джима не хватит китайский синдром²⁵.

Да чтоб им пусто было, этим АЭС!

«Забудь ты о них».

Он честно попытался. Для начала решил подумать о своем вечернем выступлении в Северо-восточном университете. Это невинное развлечение спонсировал сам университет и еще группа, окрестившая себя «Друзьями поэзии». Название наводило на Гарденера страх и трепет. Группы с такими названиями, как правило, сплошь состоят из дамочек преклонного возраста, величающих себя «леди». Творения ка-

²⁵ Ироническое выражение, возникшее в среде американских специалистов по ядерной энергетике в середине 60-х и означающее гипотетическую тяжелую аварию на АЭС с расплавлением ядерного топлива и проникновением его в почву. Крайне малая вероятность такого события подчеркивалась названием, произошедшим от шутки, что при тяжелой аварии на АЭС ядерное топливо способно прожечь всю Землю насквозь и дойти до Китая.

кого-нибудь Рода Маккуина²⁶ им куда ближе, нежели стихи Джона Берримена²⁷, Харта Крейна²⁸, Рона Каммингса или старины Джеймса Эрика Гарденера, запойного пьянчужки, однажды выстрелившего в собственную жену.

«Вали ты отсюда, Гард. Пошли подальше «Поэтический караван Новой Англии». Забудь про Северо-Восточный университет, про подружек поэзии, про суку Маккардл. Беги, пока не стряслось беды. Настоящей беды. Потому что, если ты здесь останешься, ее точно не миновать. «Луна сделалась как кровь...»²⁹

Но будь он проклят, если сбежит обратно в Мэн, поджав хвост! Только не он! И потом, эта сучка...

Патрисия Маккардл. Или Гарденер совершенно не разбирается в стервах, или эта – стерва высшего класса.

В контракте, который она заставила всех подписать, было четко сказано: отработывай свой хлеб с маслом – или ни черта не получишь.

– Боже! – Джим закрыл ладонью глаза, тщетно пытаюсь отгородиться от усиливающейся мигрени.

Хотя точно знал, что здесь поможет одно-единственное лекарство. И вот оно-то как раз грозило серьезными бедами.

²⁶ Род Маккуин (1933–2015) – американский поэт, автор и исполнитель песен, композитор.

²⁷ Джон Берримен (1914–1972) – американский поэт.

²⁸ Харт Крейн (1899–1932) – американский поэт. Тяготел к архаической лексике и усложненному синтаксису.

²⁹ Откровение Иоанна Богослова, 6:12.

Но думать об этом хотелось меньше всего. Вскоре спиртное уже текло рекой, а в небе сворачивалась новая воронка смерча.

Джим Гарденер был в свободном падении.

4

Патрисия Маккардл – главный сотрудник и предводительница «Поэтического каравана Новой Англии». Ноги от ушей, но костлявые. Нос аристократический, но непривлекательный: слишком остро заточен. Гард как-то хотел ее мысленно поцеловать и ужаснулся непрошено всплывшей картинке; этот клюв не просто скользнул по его щеке, а распол ее, словно бритва. Высокий лоб, нулевая грудь, глаза – серые, точно горные ледники под пасмурным небом. И еще она вела свое происхождение от первых британских переселенцев, прибывших в Северную Америку на галеоне «Мэй-флауэр».

Гарденер раньше работал с ней – и уже знал, что не оберется проблем. В 1988-м его неожиданно включили в состав «Поэтического каравана Новой Англии» при довольно жутких обстоятельствах... Впрочем, не столь уж неслыханных в мире поэзии, как и, скажем, в мире джаза или рок-н-ролла. В последнюю минуту в заявленной программе вдруг образовалась дыра, которую требовалось срочно кем-то заткнуть: один из шестерых участников предстоящего веселенького

круиза взял и повесился на ремне в сортире.

– Прямо как Фил Оукс³⁰, – высказался Рон Каммингс в первый день тура, когда они с Гардом тряслись на смежных сиденьях в хвосте автобуса. И нервно хихикнул, будто школьник на задней парте. – Впрочем, наш сукин сын Билл Клотсуорт никогда не блистал оригинальностью.

Патрисии предстояло устроить двенадцать публичных чтений, причем аванс уже был заплачен, что, если отбросить высокопарную риторику, означало попросту: представить шестерых поэтов в одной упряжке.

Самоубийство Клотсуорта поставило Маккардл перед необходимостью за три дня отыскать публикующегося поэта в разгар сезона, когда все они были уже нарасхват («Или на вечных каникулах, как дурачок Билли Клотсуорт», – заметил Каммингс, криво ухмыльнувшись).

Никто из потенциальных спонсоров не отказался бы уплатить оговоренную ранее сумму только из-за того, что «Караван» уменьшился на одного поэта, – поступить так было бы «некультурно», особенно если учесть причину случившегося. И все же с формальной точки зрения это значило нарушить условия контракта, а Патрисия не из тех, кому по нраву какие бы то ни было нарушения.

Выслушав четверых поэтов – один хуже другого – менее

³⁰ Филип Дэвид Оукс, «Фил Оукс» (1940–1976) – американский музыкант, автор и исполнитель «песен протеста», в которых критиковались нарушения прав человека, война во Вьетнаме.

чем за тридцать шесть часов до первого выступления, она наконец позвонила Гарденеру.

– Все еще пьянствуешь, Джимми? – напрямик спросила она.

«Джимми»! Он терпеть не мог подобного обращения. Вот «Джим» – то, что надо. Так его в основном и звали. Сам он мысленно именовал себя Гардом... и Бобби Андерсон тоже.

– Пью помаленьку, – ответил Джим. – Не так чтобы очень.

– Что-то я сомневаюсь, – холодно проронила она.

– Ты снова в своем репертуаре, Патти. – Гарденер знал, что Патрисия ненавидит это обращение даже сильнее, чем он – «Джимми». Вся ее пуританская кровь восставала против фамильярностей. – А почему ты спрашиваешь, из любопытства? Или вдруг появилась во мне нужда?

Разумеется, он был в курсе, и она это знала, как и то, что Джим сейчас ухмыляется, и это ее не могло не бесить, зато его самого забавляло до жути, и *это* Патрисии тоже было известно, что радовало Гарденера больше всего.

Еще несколько минут они скрещивали шпаги, а затем заключили нечто вроде брачного договора – только не по расчету, а скорее по необходимости. Джиму нужна была дровяная печка для предстоящей зимы – подержанная, но в рабочем состоянии; он устал как собака ютиться в холод на кухне перед плитой под стук расшатавшегося оконного косяка. А Патрисии срочно понадобился поэт. Они могли бы договориться и на словах, но вы не знаете сучку Маккардл. Она

прикатила из Дерри с контрактом (в трех экземплярах) и нотариусом. Гард даже слегка удивился, почему она не взяла с собой и второго нотариуса – на случай если первого хватит удар, или просто так, на всякий случай.

Плевать на плохие предчувствия: стоит Гарденеру прямо сейчас улизнуть, и не видать ему дровяной печи как своих ушей. Половина-то гонорара получена. Патрисия потащит беглого поэта в суд и не пожалеет тысячи долларов, только бы вытянуть из него уплаченные «Караваном» три сотни. С нее станется. Хотя Джим отработал почти все назначенные выступления, однако в контракте за его подписью черным по белому было указано: если Гарденер удерет по любой причине, которую Координаторы Тура посчитают неуважительной, вся не выплаченная ему сумма аннулируется, а весь аванс подлежит возвращению зарегистрированной корпорации «Караван» в течение тридцати (30) суток.

Патрисия ни за что не отвяжется. И вовсе не из принципа, как будет думать она сама, а потому что в трудную минуту Джим назвал ее «Патти».

Но если бы только это. Попробуй он устранился, и эта сучка не устанет поливать его грязью. Никогда уже Гарденеру не доведется принимать участие в поэтических турах, с которыми она хоть как-нибудь связана, а это чертова уйма туров. И ведь еще этот деликатный вопрос грантов. Муж Патрисии, вот уже десять лет как покойный, оставил ей кучу денег... Нет, Джим, конечно, не думал, что у нее, как у

Рона Каммингса, например, монеты выходят из задницы: тело мисс Маккардл в принципе не могло иметь столь вульгарных отверстий, не говоря уже о прямой кишке; в случае необходимости она, скорее всего, прибегала к непорочному выделению шлаков... Как бы там ни было, Патрисия обошлась с деньгами по-умному и учредила свой премиальный фонд. Этот шаг превратил ее одновременно в серьезную меценатку и чрезвычайно ловкую деловую женщину, ведь гранты налогами не облагались. Часть из них выдавалась авторам в назначенные сроки, другие служили наградами в конкурсах, а третьи страховали современные литературные журналы. Распределением ведали комитеты, за каждым из которых стояла сама Патрисия, чьи холеные руки подгоняли их друг к другу, словно части китайской головоломки... или, вернее, сплетали их вместе, будто нити паучьей сети.

Маккардл не просто вытрясет из Гарденера жалкие шесть сотен баксов – она наденет на него намордник. А ведь еще существует возможность – пусть слабая, но возможность, – что Джим напишет два-три хороших стихотворения до того, как безумец, уже засунувший дуло в задницу мира, решится спустить курок.

Значит, придется идти до конца. Гард заказал в номер бутылку «Джонни Уокера» (боже, благослови халяву отныне и вовеки, аминь) и вскоре уже наливал себе по второй, причем руки на этот раз совсем не дрожали. Решил – значит, вытерпит.

Однако день продолжал тянуться, и поэта все чаще посещала мысль о том, чтобы выйти к остановке на Стюарт-стрит, забраться в автобус с борзой на капоте, через пять часов сойти у пыльной придорожной аптеки в Юнити. Оттуда уже автостопом до Трои. Позвонить и сказать: «Меня почти унесло циклоном, Бобби, но я вовремя скрылся в убежище. Здорово, правда?»

«Брось, Гард. Каждый сам кует свое счастье. Проявишь силу – будет и удача. Взятся за дело – терпи».

Джим перерыл дорожную сумку в поисках самой приличной одежды: костюм для выступлений, увы, восстановлению не подлежал. Пара линялых джинсов, незатейливая белая рубашка, потрепанная майка с трусами и носки полетели на ровно расстеленное покрывало («Мерси, мадам, но уборку делать не нужно: я отлично выспался в ванной»). Одевшись, Гарденер проглотил мятную конфету, запил алкоголем, бросил в рот еще мятных конфет и вновь принялся потрошить свою сумку, на этот раз пытаюсь найти аспирин. Нашел. Проглотил сразу несколько штук. Посмотрел на бутылку. Отвел взгляд. В голове все отчетливее пульсировала боль. Джим сел у окна с тетрадами: надо же выбрать, что прочесть вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.